

ТОМИ АДЕЙЕМИ

ДЕТИ
КРОВИ
И
КОСТЕЙ

Томи Адейеми
Дети крови и костей
Серия «Лучшее молодежное фэнтези»
Серия «Наследие Ориши», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39420352
Дети крови и костей: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-112060-3

Аннотация

Когда-то Ориша была страной, где счастливо жили люди, наделенные магией. Каждому из десяти кланов боги даровали способность управлять силами природы. Одни маги властвовали над водами, другие – над огнем. Встречались и те, кто умел читать мысли, и даже те, кто мог видеть будущее! Они использовали свои таланты, чтобы заботиться об оришанах, и были почитаемы народом. Но в одну ночь магия исчезла... По приказу жестокого короля Сарана многие колдуны были убиты. Так Зели Адебола потеряла мать, а жители Ориши – надежду.

Спустя одиннадцать лет у Зели появился шанс свергнуть тиранию жестоких монархов и возродить магию. Но для этого она должна вступить в противоборство с принцем Инаном, который держит в страхе оришан.

Опасность таится на каждом шагу: свирепые леопанэры рыскают по лесам, мстительные духи поджидают в темных водах, дворцовая стража ведет охоту. Но что, если самую большую опасность представляет сама Зели, пытающаяся взять под контроль пробудившуюся в ней древнюю силу.

Содержание

Кланы магов	6
Глава первая. Зели	10
Глава вторая. Зели	34
Глава третья. Амари	48
Глава четвертая. Зели	67
Глава пятая. Зели	81
Глава шестая. Инан	93
Глава седьмая. Зели	100
Глава восьмая. Инан	108
Глава девятая. Зели	115
Глава десятая. Зели	130
Глава одиннадцатая. Инан	135
Глава двенадцатая. Зели	144
Глава тринадцатая. Зели	152
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Томи Адейеми

Дети крови и костей

Томи Adeyemi

CHILDREN OF BLOOD AND BONE

Copyright © 2018 by Tomi Adeyemi Books Inc.

© К. Воронцова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*Маме и папе, которые пожертвовали всем,
чтобы у меня был шанс, и Джексону, который
верил в меня и эту историю задолго до меня самой*

Кланы магов

КЛАН ИКУ

МАГИ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Титул: ЖНЕЦ

Божество: ОЙЯ

КЛАН ЭМИ

МАГИ СОЗНАНИЯ, ДУХА И СНОВ

Титул: ПРОВОДНИК

Божество: ОРИ

КЛАН ОМИ

МАГИ ВОДЫ

Титул: ПРИЛИВЩИК

Божество: ЙЕМОЙЯ

КЛАН ИНА

МАГИ ОГНЯ

Титул: ПОДЖИГАТЕЛЬ

Божество: САНГО

КЛАН АФЕФЕ

МАГИ ВОЗДУХА

Титул: ВЛАДЫКА ВЕТРОВ

Божество: АЯО

КЛАН АИЙЕ

МАГИ ЖЕЛЕЗА И ЗЕМЛИ

Титул: ВЛАДЫКА ЗЕМЛИ/СВАРЩИК

Божество: ОГУН

КЛАН ИМОЛЕ

МАГИ СВЕТА И ТЬМЫ

Титул: СВЕТОЧ

Божество: ОЧУМАРЕ

КЛАН ИВОСАН

МАГИ ЗДОРОВЬЯ И БОЛЕЗНЕЙ

Титул: ЦЕЛИТЕЛЬ/ГУБЯЩИЙ

Божество: БАБАЛОЙЕ

КЛАН АРИРАН

МАГИ ВРЕМЕНИ

Титул: ВИДЯЩИЙ

Божество: ОРУНМИЛА

КЛАН ЭРАНКО

МАГИ ЗВЕРЕЙ

Титул: УКРОТИТЕЛЬ

Божество: ОКСОСИ

Я стараюсь не думать о ней.

Но когда думаю, вспоминаю о жареном рисе.

Когда мама была рядом, в хижине всегда им пахло.

Вспоминаю о том, как сверкала ее темная кожа, прекрасная, словно летнее солнце, как оживлялся рядом с ней папа, как ее спутанные, кудрявые волосы возвышались над челом варварски роскошной короной, которая забавно развевалась на ветру.

Я слышу слова легенд, которые она рассказывала мне на ночь, и смех Тзайна, игравшего на поляне в агбон.

Слышу вопль папы, когда солдаты затянули цепь на маминой шее, и крики, что она издавала, когда они тащили ее во тьму.

Вспоминаю заклятия, извергавшиеся из ее рта, словно лава, – то была магия смерти, что ее унесла.

Думаю о трупе матери, висевшем на том дереве.

И о короле, что забрал ее у меня.

Глава первая. Зели

Выбери меня.

Я сдерживаюсь, чтобы не закричать. Вонзаю ногти в посох, вырезанный из марулы, и сжимаю изо всех сил, чтобы он не дрожал. Капли пота стекают по спине – не знаю почему: из-за утренней жары или оттого, что сердце вот-вот выскочит из груди. Уже много лун, как меня пропускали.

Сегодня все должно быть иначе.

Я заправляю снежно-белую прядь за ухо и стараюсь сидеть неподвижно. Как всегда, Мама Агба выбирает медленно, вглядываясь в каждую из нас, пока мы не начинаем ерзать. Она хмурит брови, морщины на бритой голове становятся глубже. Темнокожая, в неярком халате, Мама Агба ничем не отличается от других старух в деревне. Сложно представить, что женщина ее возраста может обладать столь пугающей силой.

– Кхм, – Йеми прокашливается у входа в ахэре¹ – не слишком тонкий намек, что она уже прошла испытание. Ухмыляется и крутит свой вырезанный вручную посох, готовая встретиться взглядом с той, кого намерена победить в поединке на право считаться взрослой. Большинство девочек боится сражаться с Йеми, но я хочу этого всем сердцем. Я

¹ Хижина.

тренировалась. Я готова.

Я знаю, что смогу одолеть ее.

– Зели.

Хриплый голос Мама Агбы разрушает тишину. В ответ раздается общий вздох облегчения – вздох тех пятнадцати, которых не выбрали. Эхо моего имени блуждает в затянутых тканью стенах тростниковой ахэре, пока я наконец не понимаю, что Мама Агба назвала меня.

– Правда?

Она причмокивает губами:

– Я могу выбрать еще кого-нибудь...

– Нет! – Я вскакиваю на ноги и быстро кланяюсь. – Спасибо, Мама. Я готова.

Темнолицые воспитанницы расступаются, когда я иду сквозь толпу. Концентрируюсь на том, как под босыми ногами пружинит тростниковый пол, ловлю отдачу. Мне нужно выиграть этот поединок, пройти инициацию.

Я ступаю на черную циновку – край арены – и Йеми кланяется. Она ждет ответного поклона, но ее взгляд лишь разжигает во мне ярость. В ее стойке нет уважения, нет обещания честной схватки. Она думает, если я предсказательница, то ниже ее.

Думает, я проиграю.

– *Поклонись*, Зели.

Несмотря на приказной тон Мама Агбы, я не могу заставить себя пошевелиться. У меня перед глазами восхититель-

ные черные волосы Йеми. Ее кокосовая кожа гораздо светлее моей. Цвет лица у нее нежно-коричневый, как у оришан, что ни дня не работали на солнце – привилегия, оплаченная деньгами отца, которого она ни разу не видела. Аристократа, с позором изгнавшего свою незаконнорожденную дочь в нашу деревню.

Я расправляю плечи и выпячиваю грудь – распрямляюсь, хотя нужно кланяться. Лицо Йеми выделяется в толпе предсказательниц со снежно-белыми волосами. Предсказательниц, обязанных склоняться перед такими, как она, снова и снова.

– Зели, не заставляй меня повторять.

– Но Мама...

– Поклонись или выйди из круга. Ты тратишь наше время.

Выбора нет. Я сжимаю зубы и сгибаюсь в поклоне. Неприятная ухмылка появляется на лице Йеми.

– Неужели это так трудно? – Она вновь кланяется для ровного счета. – Если уж собираешься проиграть, сохраняй *достоинство*.

Приглушенные смешки раздаются в толпе, но стихают, оборванные резким жестом Мама Агбы. Я посылаю им убийственный взгляд, прежде чем сфокусироваться на сопернице.

Посмотрим, кто будет смеяться, когда я выиграю.

– По местам.

Мы расходимся по разным углам циновки, носком подни-

маем посохи с пола. Усмешка Йеми исчезает, она прищуривается. В ней просыпается инстинкт убийцы.

Мы смотрим друг другу в глаза, ожидая сигнала. Я боюсь, что Мама Агба будет тянуть целую вечность, но она наконец кричит.

– Начали!

Внезапно мне приходится защищаться.

Прежде чем я успеваю атаковать, Йеми бросается вперед со скоростью гепанэра². Ее посох взлетает над головой и в следующую секунду оказывается у моей шеи. Девочки за спиной ахают, но я не пропускаю удар.

Йеми, может, и быстрая, но я могу быть еще быстрее.

Когда ее посох приближается, я выгибаюсь, как только могу, уклоняясь от удара. Моя спина еще согнута, когда Йеми бьет снова, опуская посох с невиданной силой.

Я бросаюсь в сторону и перекатываюсь по полу – ее посох приземляется на циновку рядом со мной. Йеми отскакивает назад, чтобы ударить вновь, пока я пытаюсь найти опору.

– Зели, – предупреждает Мама Агба, но мне не нужна ее помощь. Рывком я встаю на ноги и поднимаю посох, блокируя следующий удар Йеми.

Посохи сталкиваются с громким стуком. Тростниковые стены содрогаются. Дерево в руках еще гудит от удара, когда Йеми поворачивается, нацелив оружие на мои колени. Я отталкиваюсь опорной ногой, взмахнув руками, делаю кувы-

² Фантастический зверь.

рок, перелетаю через ее посох и вижу первую дыру в защите – мой шанс перейти к нападению.

– Ну, – реву я, пользуясь моментом, чтобы нанести удар. – Давай...

Но посох Йеми сталкивается с моим, останавливая атаку в ту же секунду, когда она началась.

– Терпение, Зели, – кричит Мама Агба. – Сейчас не время для нападения. Наблюдай и отвечай на удары противника.

Проглотив стон, я киваю и отступаю.

«У меня еще будет шанс, – убеждаю я себя. – Нужно просто подождать...»

– Правильно, Зел, – Йеми говорит так тихо, что только я могу ее слышать. – Слушайся Маму Агбу. Будь хорошей мушкой.

Вот оно.

Это слово.

Гадкий, унижительный намек, брошенный Йеми небрежно, с наглой ухмылкой на губах.

Не успев подумать как следует, я делаю выпад, и посох останавливается в волоске от живота соперницы. Теперь меня ждет печально известная трепка Мамы Агбы, но страх во взгляде Йеми того стоит.

– Эй! – Она оборачивается к Маме Агбе, чтобы та вмешалась, но времени жаловаться нет. Я вращаю посохом так быстро, что глаза моей противницы округляются, а затем вновь бросаюсь в атаку.

– Это не по правилам! – кричит Йеми, упав на колени, чтобы избежать моего удара. – Мама...

– Разве она должна сражаться за тебя? – смеюсь я. – Давай, Йем. Если собираешься проиграть, сохраняй *достоинство!*

Глаза Йеми полны гнева, как у рогатой леонэры, готовой атаковать. Она крепко сжимает посох, желая отомстить за унижение.

Начинается настоящая схватка.

Стены ахэре гудят, когда наше оружие сталкивается снова и снова. Мы обмениваемся ударами, пытаюсь найти дыру в обороне и шанс нанести решающий удар. У меня появляется возможность, и...

– У-у-ух!

Я с хрипом сгибаюсь пополам и отлетаю назад. К горлу подступает тошнота. Кажется, что Йеми, помимо прочего, сломала мне ребра, но боль в животе ощущается сильнее.

– Стойте...

– Нет! – хрипло обрываю я Маму Агбу, буквально заставляя себя дышать, и поднимаюсь, держась за посох. – Все в порядке.

Я еще не сдалась.

– Зели, – начинает она, но Йеми не терпится закончить. Она подлетает ко мне, пылая от ярости, и ее посох свистит в волоске от моей головы. Едва я ухожу из-под удара, как она отбегаёт для новой атаки. Но прежде, чем успеваёт развернуться, я обхожу ее, ударив посохом в грудь.

– О! – Йеми хватает ртом воздух. Ее лицо искажается от боли и шока. Никто еще не бил ее в поединках у Мамы Агбы. Она не знает, что это такое.

И прежде, чем Йеми успевает перевести дыхание, я бросаю посохом и бью прямо в живот. Собираюсь нанести последний удар, когда бордовые полотнища над входом в ахэре распахиваются.

Биси вбегает внутрь – белые волосы развеваются за спиной, грудь ходит вверх-вниз, когда она обменивается взглядом с Мамой Агбой.

– Что случилось? – спрашивает та.

В глазах Биси стоят слезы.

– Прости, – хнычет она. – Я заснула... Я не...

– Выкладывай, дитя.

– Они идут, – наконец выкрикивает Биси. – Они близко, у самой деревни!

С секунду я не могу дышать. Другие, кажется, тоже. Страх парализует каждую частичку наших тел.

Затем желание жить берет верх.

– Быстрее, – шипит Мама Агба. – Поспешим!

Я поднимаю Йеми на ноги. Она еще задыхается, но у меня нет времени, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Беру ее посох и начинаю собирать другие.

Ахэре охватывает хаос: все спешат скрыть, что на самом деле происходит в этих стенах.

В воздух взлетают полотна яркой ткани. Кто-то доста-

ет тростниковых манекенов. В такой спешке нельзя понять, успеем ли мы замести следы вовремя. Я стараюсь сосредоточиться на своем задании: спрятать посохи под циновку, чтобы их не нашли. Как только заканчиваю, Йеми сует мне в руку деревянную иголку. Когда бегу на свое место, полотнища над входом в ахэре распахиваются вновь.

– Зели, – рычит Мама Агба.

Я замираю. Все глаза в ахэре устремлены на меня. Не успеваю я сказать и слова, как Мама Агба дает мне подзатыльник. Я вздрагиваю от резкой боли.

– Оставайся на месте, – бросает она. – Тебе нужно работать в любых условиях.

– Мама Агба...

Она склоняется ко мне, и я читаю в ее глазах: *это не по-настоящему*. Мое сердце стучит, как безумное. *Все, что происходит, – игра*. Возможность купить нам время.

– Прости, Мама Агба. Прости меня.

– Просто возвращайся на свое место.

Я сдерживаю улыбку и виновато склоняю голову, стараюсь незаметно рассмотреть вошедших стражников. Тот, что ниже ростом, смугл, как Йеми, подобно большинству солдат в Орише, – у него коричневое, словно изношенное кожаное изделие, лицо и густые черные волосы. Хотя мы всего лишь девчонки, он держит ладонь на эфесе меча. Рука напряжена, словно кто-то из нас способен напасть.

Другой стражник – высокий и серьезный, куда темнее сво-

его соратника. Он стоит у входа и смотрит в землю. Возможно, ему стыдно из-за того, что они собираются сделать. Оба с печатью короля Сарана, выбитой на железных нагрудниках. Все внутри сжимается при одном взгляде на выгравированного там снежного леонэра, напоминающего о монархе, что послал их сюда.

Напустив на себя обиженный вид, я возвращаюсь к тростниковому манекену. Ноги едва не подкашиваются от облегчения, когда я мельком оглядываю ахэре. То, что раньше было ареной, теперь похоже на лавку швеи. Рядом с каждой из нас стоят манекены, украшенные яркими тканями. Они раскроены и заколоты особым способом, придуманным Мамой Агбой. Мы сметываем швы дашики³, как делали это годами, тихо шьем, ожидая, когда стражники уйдут.

Мама Агба ходит между рядами, осматривая работу своих учениц. Несмотря на тревогу, я ухмыляюсь тому, что она заставляет стражников ждать, отказываясь замечать их присутствие.

– Я могу вам чем-то помочь? – наконец спрашивает она.

– Время налога, – говорит тот, что темнее. – Плати.

Лицо Мамы Агбы каменеет.

– Я заплатила на прошлой неделе.

– Это не налог на торговлю, – взгляд другого стражника скользит по длинным белым волосам предсказательниц. – Содержать мух стало еще дороже. У тебя их с избытком, так

³ Рубашка.

что лучше раскошеливайся.

Конечно. Я стискиваю ткань на манекене так, что рукам больно. Королю мало держать предвидиц в подчинении. Ему нужно уничтожить любого, кто попробует нам помочь.

Я сжимаю зубы, пытаюсь не обращать внимания на стражника и на то, как презрительно он произнес слово «муха». Неважно, что мы и так никогда не станем магами, которыми должны были стать. В их глазах мы все еще грязные личинки.

Губы Мама Агбы превращаются в одну тонкую линию. У нее нет лишних денег.

– В прошлое полнолуние вы уже поднимали налог на предсказательниц, – пытается спорить она. – И за месяц до этого тоже.

Стражник с более светлой кожей выступает вперед и тянется за мечом, готовый напасть при первом признаке бунта.

– Может, не стоит водиться с мухами?

– Может, не стоит нас грабить?

Слова вырываются у меня изо рта прежде, чем я успеваю остановиться. Все замирают. Мама Агба превращается в статую, ее черные глаза умоляют меня замолчать.

– Предсказательницы не стали зарабатывать больше. Откуда, по-вашему, возьмутся деньги на новые налоги? – продолжаю я. – Нельзя увеличивать их снова и снова. Если так будет продолжаться, мы не сможем платить!

Стражник лениво обходит нас, и я мечтаю, чтобы в руках оказался посох. Одним ударом я сбила бы его с ног, точным

выпадом раздробила бы гортань.

Внезапно я понимаю, что меч у стражника необычный. Вижу черное лезвие, блестящее в ножнах из металла, более драгоценного, чем золото.

Магацит. Сплав, изобретенный королем Сараном до рейда, созданный, чтобы ослабить нашу магию и жечь нашу плоть.

Как черная цепочка на шее мамы.

Сильные маги могут сопротивляться ему, но большинство из нас этот редкий металл истощает. Хотя во мне нет магии, которую нужно подавлять, от близости магацитового клинка сотня иголок впивается в кожу, пока стражник кружит рядом.

– Лучше бы тебе закрыть рот, девочка.

Он прав. Лучше закрыть рот, проглотить гнев. По крайней мере, так можно выжить и увидеть завтрашний день.

Он склоняется к моему лицу. Я подавляю желание воткнуть иглу в его круглый карий глаз. Может, мне стоит промолчать.

А может, ему стоит умереть?

– Ты... Цыц!

Мама Агба отпихивает меня в сторону с такой силой, что я падаю наземь.

– Вот, – она протягивает стражнику пригоршню монет. – Просто берите.

– Мама, нет...

От ее взгляда я словно превращаюсь в камень. Замолкаю и кое-как поднимаюсь на ноги, зарывшись в узорные ткани своего манекена.

Монеты звенят: стражник пересчитывает бронзовые кружочки в своей ладони. Фыркнув, он говорит:

– Не хватает.

– А должно бы, – отвечает Мама Агба с отчаяньем в голосе. – Это все, что у меня есть.

Ненависть поднимается внутри, обжигающая и острая как шипы. Это несправедливо. Мама Агба не должна умолять. Я поднимаю глаза и встречаюсь взглядом со стражником.

Это ошибка. Прежде, чем успеваю отвернуться и скрыть отвращение, он хватается за волосы.

Я кричу, и через секунду стражник швыряет меня на землю, лицом вниз, с такой силой, что у меня перехватывает дыхание.

– Может, денег у тебя и нет, – его колено упирается мне в спину, – но у тебя тут мушки на любой вкус.

Он грубо хватается за бедро:

– Начну с этой.

Кожа горит. Я задыхаюсь, сжимаю кулаки, чтобы унять дрожь. Хочу закричать, переломать каждую кость в его теле, но с каждой секундой слабею. Его прикосновение уничтожает меня, ту, которой я с таким трудом пыталась стать.

Я снова чувствую себя маленькой беспомощной девочкой, которая ничего не может сделать, пока солдаты утаскивают

ее мать.

– Хватит! – Мама Агба отталкивает стражника, прижимает меня к груди, рыча как рогатая леонэра, защищающая детеныша. – Я отдала деньги, и это все, что вы получите. Уходите. Немедленно.

Стражника бесит ее дерзость. Рука скользит к клинку, но другой солдат удерживает его:

– Пойдем. Нам нужно уйти из деревни до заката.

Хотя темнокожий говорит спокойно, его челюсти крепко сжаты. Возможно, глядя на наши лица, он вспоминает мать или сестру, кого-то, кого тоже хотел защитить.

Другой стражник замирает, как статуя, и я не знаю, что он собирается сделать. Затем он убирает руку с эфеса и впивается глазами в Маму Агбу.

– Научи мух знать свое место, – предупреждает он. – Или это сделаю я.

Он смотрит на меня. Хотя по коже струится пот, внутри я леденею. Стражник скользит взглядом по моей фигуре, как бы предупреждая, *что* может у меня забрать.

«*Попробуй!*», – хочу огрызнуться я, но во рту пересохло. Мы молчим, пока стражники не уходят и лязг подбитых металлом сапог не исчезает в отдалении.

Силы оставляют Маму Агбу, будто свеча гаснет на ветру. Она хватается за манекен, чтобы не упасть. Из беспощадной воительницы, которую я знаю, она превращается в слабую незнакомую мне старуху.

– Мама...

Я спешу ей на помощь, но она отталкивает мою руку:

– *Оде!*

Дура, ругает она меня на йоруба – языке магов, запрещенном после Рейда. Я не слышала его так давно, что мне требуется время, чтобы понять значение этого слова.

– Что, во имя богов, с тобой не так?

Снова все глаза в ахэре устремлены на меня. Смотрит даже маленькая Биси. Но почему Мама Агба злится? Разве я виновата, что эти стражники воры?

– Я хотела защитить тебя.

– Защитить меня? – повторяет Мама Агба. – Ты знала, что твои слова ничего не изменят. Из-за тебя нас всех могли убить!

Я отступаю и спотыкаюсь, потрясенная ее резкостью. Никогда еще мне не приходилось видеть в ее глазах такого разочарования.

– Если я не могу с ними бороться, то для чего мы здесь? – Голос срывается, но я проглатываю слезы. – Что толку тренироваться, если нельзя защитить себя?

– Ради богов, *подумай*, Зели. Подумай о ком-нибудь, кроме себя! Кто защитит твоего отца, если ты ранишь этих людей? Кто поможет Тзайну, когда стражники решат отомстить?

Я открываю рот, чтобы возразить ей, но мне нечего сказать. Она права. Даже если я убью нескольких стражников, с

армией мне не справиться. Рано или поздно меня найдут.

И уничтожат всех, кто мне дорог.

– Мама Агба? – Голос Биси похож на мышинный писк. С глазами, полными слез, она цепляется за шаровары Йеми. – Почему они нас ненавидят?

Усталость отражается в каждой черте Мама Агбы. Она обнимает Биси.

– Они ненавидят не вас, а тех, кем вы должны были стать.

Биси прячет лицо в складки ее халата и тихо плачет. Мама осматривается, замечая, что остальные тоже едва сдерживают слезы.

– Зели спросила, зачем мы здесь. Это хороший вопрос. Мы часто говорим, *как* нужно сражаться, но не говорим, почему.

Мама опускает Биси на землю и жестом просит Йеми принести стул.

– Вы должны помнить, что мир не всегда был таким. Прежде все мы были едины.

Мама Агба усаживается, девочки собираются вокруг, готовые слушать. Каждый день она заканчивает урок легендой или притчей, рассказывая о прежних временах. Обычно я пробиваюсь вперед, чтобы не упустить ни слова, но сегодня стою позади – слишком виновата, чтобы приблизиться.

Мама Агба растирает руки, медленно и методично. Несмотря на то что случилось, легкая улыбка скользит по ее губам – улыбка, которую может вызвать только один рассказ.

Не в силах сопротивляться, я подхожу ближе, расталкивая других девчонок. Это наша история. Правда, которую король пытался похоронить с мертвецами.

– В начале времен Ориша была страной, где счастливо жили люди, наделенные магией. Каждому из десяти кланов боги даровали способность управлять силами природы. Одни маги властвовали над водами, другие – над огнем. Встречались и те, кто умел читать мысли, и даже те, кто мог видеть будущее!

Хотя мы все, так или иначе, слышали эту историю – от Мама Агбы или от родителей, которых потеряли, – ощущение волшебства не исчезает. Наши глаза загораются, когда Мама Агба описывает магов, способных исцелять и насылать болезни. Мы наклоняемся ближе, и она рассказывает о заклинателях, несущих свет и тьму в своих ладонях.

– Все маги рождались с белыми волосами – знаком божественного прикосновения. Они использовали свои таланты, чтобы заботиться об оришанах и были почитаемы народом. Но не каждый удостоивался милости богов, – Мама Агба обводит хижину рукой. – Поэтому день, когда новый маг появлялся на свет, становился праздником для всей страны, и люди радовались при виде белых локонов. Дети, избранные богами, не могли колдовать, пока им не исполнялось тринадцать. Пока сила не проявлялась, их называли «ибави», «божественными», «предсказанными богами».

Биси поднимает подбородок и улыбается, вспомнив про-

исхождение нашего титула предсказательниц. Мама Агба склоняется к ней и дергает за прядь белых волос – знак, который мы все научились скрывать.

– Маги жили в Орише, становились первыми королями и королевами. В те времена на земле царил мир, но он был недолгим. Пришедшие к власти стали злоупотреблять магией, и в наказание боги лишили их своих даров. Сила в их крови иссякла, а волосы потемнели как символ греховности. Через несколько поколений любовь к магам превратилась в страх. Страх сменился ненавистью. Ненависть – жестокостью и стремлением стереть их с лица земли...

От слов Мама Агбы в комнате словно темнеет. Все знают, что будет дальше: ночь, о которой мы не говорим и которую нам не забыть.

– До той ночи маги выживали, используя свои силы. Но одиннадцать лет назад все волшебство исчезло. Почему, известно лишь богам.

Мама Агба закрывает глаза и тяжело вздыхает:

– Вечером магия *жила*. Утром она погибла.

Почему, известно лишь богам?

Из уважения к Маме Агбе я сдерживаюсь. Она говорит, как все взрослые, пережившие Рейд. Покоряется воле богов, забравших у нас магию в наказание или вообще без какой-либо причины.

В глубине души я знаю правду. Поняла, увидев магов Ибадана в цепях. Боги умерли вместе с нашей магией и никогда

не вернуться.

– В тот роковой день король Саран не колебался, – продолжает Мама Агба. – Он использовал слабость магов, чтобы нанести удар.

Я закрываю глаза, сдерживая слезы, которые вот-вот прольются. Цепь, накинутаая на мамину шею. Кровь, стекающая в грязь...

Молчаливые воспоминания о Рейде наполняют тростниковую хижину, и воздух будто тяжелеет от горя.

Той ночью мы все потеряли своих близких – тех, что были магами.

Мама Агба вздыхает и поднимается. Собравшись с силами, снова становится той, кого мы знаем. Смотрит на девочек в хижине, словно генерал, осматривающий войска.

– Я учу пути посоха каждую, кто этого захочет, ибо в мире всегда будут мужчины, желающие причинить вам боль. Я начала тренировки для предсказательниц, дочерей умерших магов, потому что, хоть вы и не можете колдовать, вас всю жизнь будут сопровождать ненависть и жестокость. Вот почему мы здесь. Вот зачем тренируемся.

Резким движением Мама достает свой складной посох и ударяет им об пол.

– Ваши враги носят мечи. Почему я учу вас драться?

Наши голоса повторяют слова, которые Мама Агба заставила выучить наизусть:

– Ты уклоняешься, а не бьешь, бьешь, а не увечишь, уве-

чишь, но не убиваешь. Посох не забирает жизнь.

– Я учу вас быть воинами в саду, так что вы никогда не станете садовниками войны. Я помогу вам бороться, но главная ваша сила в чувстве самообладания.

Мама оборачивается ко мне, расправив плечи.

– Вы должны защищать слабых. Это путь посоха.

Девочки кивают, а мне остается лишь опустить глаза. Я снова всех подвела и едва все не разрушила.

– Ладно, – вздыхает Мама Агба. – На сегодня достаточно. Соберите свои вещи, продолжим завтра.

Одна за другой девочки выходят из хижины, довольные, что избежали гнева. Я тоже пытаюсь ускользнуть, но сморщенная рука Мамы Агбы ложится на мое плечо.

– Останься, – приказывает она.

Последние девчонки награждают меня сочувствующими взглядами и потирают ягодицы, возможно, подсчитывая, сколько ударов плетью я получу.

Двадцать за нарушение правил боя... Пятьдесят за дерзкий разговор... Сотню за то, что нас чуть не убили...

Нет. Сотня – это слишком мало.

Я сдерживаю вздох и готовлюсь к трепке.

Все пройдет быстро, успокаиваю я себя. Закончится, не успеешь и...

– Сядь, Зели.

Мама Агба протягивает мне чашку чая, другую наливает себе. Сладкий аромат щекочет мне нос, теплая глина греет

руки. Я поднимаю брови:

– Он отравлен?

Уголки рта Мама Агбы слегка поднимаются вверх, но лицо остается строгим. Я делаю глоток, чтобы скрыть улыбку, и чувствую вкус меда на языке. Поворачиваю чашку в руках и провожу пальцами по узору из лиловых бусин по краю. У Мама чашка такая же, но бусины на ней серебряные – украшения в честь Ойи, богини жизни и смерти.

На миг эти воспоминания отвлекают меня от Мама Агбы и ее разочарования, но аромат чая слабеет, и кислый привкус вины возвращается. Она не должна была проходить через это. По крайней мере, не ради провидицы вроде меня.

– Прости, – я обхватываю чашку руками, не в силах поднять глаза. – Я знаю... Знаю, что все только усложняю.

Как и Йеми, Мама Агба – косиданка, оришанка, не имеющая способностей к магии. До Рейда мы верили, что боги сами выбирали, кто будет предсказателем, а кто – нет, но теперь магия ушла, и я не понимаю, почему это различие остается. Лишенная белых волос, Мама Агба могла бы жить с другими оришанами и избежать произвола стражников. Если бы она не работала с нами, они бы вообще ее не беспокоили.

Часть меня хочет, чтобы она бросила нас, избавила себя от боли. С ее талантом швеи она могла бы, наверное, заняться торговлей – это принесло бы ей прибыль, которая теперь утекает сквозь пальцы.

– Ты походишь на нее все сильнее, знаешь об этом? – Мама Агба отпивает немного чая и улыбается. – Когда ты в гневе, сходство просто пугающее. Ты унаследовала ее ярость.

Я стою, разинув рот от удивления. Мама Агба редко говорит о тех, кого мы потеряли.

Да и немногие из нас их вспоминают.

Я прячу изумление, сделав еще глоток, и киваю:

– Знаю.

Не помню, когда именно это случилось, но папа стал относиться ко мне по-другому, начал избегать моего взгляда – наверное, смотрел на меня и видел лицо убитой жены.

– Хорошо, – улыбка Мамы Агбы меркнет. – Во время Рейда ты была ребенком. Я боялась, что ты ее забудешь.

– Не смогла бы, даже если бы захотела. – Разве можно забыть мамино лицо, похожее на солнце? Я пытаюсь сохранить его в памяти. Это лицо, а не труп со струйкой крови, бегущей по шее.

– Знаю, ты бьешься за нее, – Мама Агба гладит меня по белым волосам, – но король жесток, Зели. Он скорее вырежет все королевство, чем станет терпеть ересь предсказательниц. Когда у твоего врага нет чести, нужно выбирать другой путь.

– Разве я не могу на этом пути разбить пару голов своим посохом?

Мама Агба фыркает, и морщинки вокруг карих глаз становятся глубже:

– Просто обещай, что будешь осторожна и выберешь пра-

вильный момент для битвы.

Я сжимаю руки Мама Агбы и низко кланяюсь.

– Обещаю, Мама, что не подведу тебя снова.

– Хорошо, потому что я хочу показать тебе кое-что и не хочу об этом жалеть.

Из складок своего халата Мама Агба достает гладкий черный прут. Делает резкий взмах. Я вскакиваю, когда прут превращается в блестящий металлический посох.

– О боги, – выдыхаю я, едва сдерживаясь, чтобы не схватить это произведение искусства. Черный металл испещрен древними символами, каждый из которых напоминает об уроке, однажды преподанном Мамой Агбой. Как пчела на мед, я смотрю на *акофену* – знак, изображающий скрещенные клинки, мечи войны. *Смелость не всегда рычит*, сказала она тогда. *Доблесть не всегда сияет*. Мои глаза скользят к *акоме*, гравировке в виде смиренного сердца, что следует за мечами. Почти уверена, в тот день меня высекли.

Каждый символ возвращает меня к какому-нибудь уроку, истории, притче. Я выжидающе смотрю на Маму. Это подарок или то, чем меня сейчас накажут?

– Держи, – она вкладывает гладкий металл мне в руку.

Я ощущаю его тяжесть. Железо, способное крушить черепа.

– Неужели это по-настоящему?

Мама кивает:

– Сегодня ты сражалась, как воин, и прошла инициацию.

Я поднимаюсь, чтобы раскрутить посох над головой и прихожу в восторг от скрытой в нем мощи. Металл режет воздух, как нож, более смертоносный, чем любой из посохов, вырезанных мной из марулы.

– Помнишь, что я сказала тебе на нашей первой тренировке?

Я киваю и говорю усталым голосом Мама Агбы:

– *Если собираешься драться со стражниками, лучше научиться побеждать.*

Она дает мне подзатыльник, но от тростниковых стен отражается ее теплый смех. Я протягиваю ей посох, и она ударяет им об пол. Оружие снова превращается в металлический прут.

– Ты знаешь, как побеждать, – говорит она, – просто убедись, что знаешь, когда сражаться.

Гордость, смешанная с болью, бушует в моей груди, когда Мама Агба вновь вкладывает посох мне в ладонь. Не веря своим глазам, я обнимаю ее за талию, вдыхая знакомый запах свежей ткани и сладкого чая.

Мама Агба кажется напряженной, но отвечает на объятие, смиряя мою боль. Отступает назад и хочет сказать что-то еще, но замирает, когда полотно у входа в ахэре распаиваются вновь.

Я хватаюсь за прут, готовая к драке, но узнаю в вошедшем старшего брата. Тзайн входит внутрь, и тростниковая хижина сразу становится меньше. Кажется, будто он состоит

из одних мышц и сухожилий. Пот стекает с черных волос и струится по лицу. Он встречается со мной взглядом, и сердце сжимается от страшного предчувствия.

– Это касается папы.

Глава вторая. Зели

Его слова – последнее, что я хотела бы слышать.

«*Это касается папы*» означает, что все кончено. Что он ранен или еще хуже...

Нет. Я пытаюсь отбросить эти мысли, когда мы несемся по деревянным доскам торгового квартала. *Он в порядке,* говорю я себе. *Что бы там ни случилось, он будет жить.*

Солнце пробуждает нашу морскую деревню Илорин. Волны разбиваются о деревянные столбы, поддерживающие поселение на плаву, и накрывают наши ноги тучей брызг. Будто у паука в паутине моря, у нашей деревни восемь деревянных ног, которые сходятся в центре. Туда мы сейчас и спешим – так быстрее можно добраться до отца.

– Осторожней! – вопит косиданка, когда я пробегаю мимо, едва не сбив с ее черной головы корзину с бананами. Может, если она поймет, что мой мир рушится, то найдет в себе силы простить.

– Что случилось? – спрашиваю я на бегу.

– Не знаю, – отвечает Тзайн. – Ндулу пришел на тренировку агбон и сказал, что папа в беде. Я отправился домой, но Йеми сообщила, что у тебя были неприятности со стражниками.

О боги, что если это дело рук того солдата из хижины Мамы Агбы? Страх закрадывается в душу, пока мы несемся

мимо торговых и ремесленников, запрудивших деревянные мостки. Стражник, напавший на меня, мог прийти за папой, и если пришел...

– Зели! – с раздражением кричит Тзайн – знак того, что он не первый раз пытается привлечь мое внимание. – Почему ты оставила его? Была твоя очередь с ним сидеть!

– Сегодня был поединок на право считаться взрослой. Если бы я его пропустила...

– Проклятье, Зел! – Жители деревни оборачиваются на рев Тзайна. – Ты это серьезно? Бросила папу ради дурацкой палки?

– Это не палка, а оружие, – кричу я в ответ. – И я не бросала его. Он заснул, ему нужно было отдохнуть, а я и так оставалась с ним всю неделю...

– Потому что я был с ним всю прошлую! – Тзайн ловко перепрыгивает через ползущего по дорожке малыша, демонстрируя отличную физическую форму. Юная косиданка улыбается, видя, как он проносится мимо, в надежде, что кокетливый взмах рукой его остановит. Даже сейчас деревенских тянет к Тзайну, словно магнитом. Мне же, наоборот, нет нужды отталкивать людей с дороги – стоит им увидеть белые волосы, и они бегут от меня, как от чумы.

– До оришанских игр осталась всего пара лун, – продолжает Тзайн. – Ты знаешь, что для нас значит выиграть эти деньги. Пока я тренируюсь, ты остаешься с папой. Что из этого тебе трудно понять? Проклятье!

Тзайн резко останавливается перед плавучим рынком в центре Илорин.

Окруженный прямоугольными мостками, он полон деревенских. Они торгуют с бортов круглых лодок, которые сделаны из кокосовой пальмы. До открытия дневной ярмарки можно было пробежать по ночному мосту к нашему дому в рыбацком районе. Но сегодня торговать начали рано, и моста нигде нет. Нам предстоит долгий путь.

Как всегда атлетичный, Тзайн срывается с места, несется по мосту вокруг рынка, чтобы скорее добраться до отца. Я бегу за ним, но останавливаюсь, увидев лодки.

Торговцы и рыбаки заключают сделки, меняя свежие фрукты на лучший дневной улов. В хорошие времена торговля идет гладко – каждый готов немного уступить и помочь другому. Но сейчас все спорят, требуя бронзы и серебра, а не рыбы и обещаний.

Налог...

Мерзкое лицо стражника снова встает у меня перед глазами, а при воспоминании о его хватке бедро обжигает огнем. Это подстегивает меня, и я прыгаю в первую лодку.

– Осторожнее, Зели! – кричит Кана, деревенская садовница, придерживая свои драгоценные фрукты. Она поправляет тюрбан и ругается, когда я прыгаю на борт следующей лодки, полной синей опахи.

– Простите!

Выкрикивая одно извинение за другим, я прыгаю с лодки

на лодку, как красноносая лягушка. Приземляюсь на настил в рыбацком районе и тут же несусь дальше, наслаждаясь тем, как пружинят под ногами деревянные доски. Я бегу вперед, не дожидаясь брата – нужно успеть к папе первой. Если все плохо, надо предупредить брата.

Если папа мертв...

От этой мысли ноги наливаются свинцом. Нет, не может быть. День только начался, так что нужно успеть взять лодку и выйти в море. Но когда мы вытянем сети, наверняка время первого улова пройдет. Кто отругает меня, если папы нет?

Вспоминаю его, спящего в пустой ахэре, перед моим уходом. Уже тогда папа казался измученным, как будто даже самый долгий сон не мог его исцелить. Я надеялась, что он не проснется до моего возвращения, но должна была понимать: в тишине его мучили боль и скорбь.

А еще я...

И мои глупые ошибки.

При виде толпы, собравшейся возле нашей ахэре, я резко останавливаюсь. Люди загораживают океан, крича и указывая на что-то, чего я не вижу. Прежде, чем успеваю протолкнуться вперед, Тзайн протискивается сквозь толпу, освобождая нам путь. Мое сердце замирает.

В океане, далеко от берега, тонет человек. Его темные волосы появляются над водой каждый раз, когда он пытается удержаться на плаву. Сильные волны накатывают на беднягу, снова и снова погружая его в воду. Человек зовет на по-

мощь слабым, надрывающимся голосом. Голосом, который я узнаю где угодно.

Голосом моего отца.

Два рыбака в кокосовых лодках приближаются к нему, гребя с бешеной скоростью, но волна с силой отталкивает их назад. Им ни за что не успеть вовремя.

– Нет! – кричу я в ужасе, когда новая волна накрывает папу. Жду, что он всплывет, но перед глазами только бушующее море. Мы опоздали.

Папа мертв.

Осознание, как посох, бьет в грудь. В голову. В сердце.

Внезапно весь воздух будто исчезает, и я забываю, как дышать.

Но, пока я пытаюсь удержаться на ногах, Тзайн действует: он ныряет в воду, рассекая волны, словно акула. Брат плывет, как никогда раньше, и через пару минут обгоняет лодки. Еще мгновение, и он там, где только что исчез папа. Тзайн ныряет.

Давай. Мою грудь сдавливает от напряжения: кажется, я чувствую, как хрустят ребра. Тзайн появляется на поверхности, но его руки пусты. Тела не видно.

Папы нет.

Задышавшись, он ныряет вновь, на сей раз погружаясь глубже. Секунды ожидания превращаются в вечность. *О боги...*

Я могу потерять их обоих.

– Давай, – шепчу я снова, вглядываясь в волны, где исчез-

ли папа и Тзайн. – *Возвращайся.*

Я уже говорила это однажды. В детстве видела, как папа вытащил моего брата из озера, освободив от водорослей, в которых тот запутался. Отец давил ему на грудь, но не мог заставить его дышать. Мама и ее магия спасли Тзайна. Она рисковала всем, нарушив божественные законы, пробуждая дремавшие в ее крови запретные силы. Она сплела заклятие для Тзайна, словно нить, вернув его к жизни магией, воскрешающей мертвых.

Я каждый день мечтаю, чтобы мама была жива, но сейчас – особенно сильно. Хочу, чтобы магия, струившаяся по ее жилам, наполнила и меня.

Хочу оживить Тзайна и папу.

– Пожалуйста, – несмотря на то, что шансов на спасение мало, я закрываю глаза и молюсь, прямо как в тот день. Если осталась хотя бы одна богиня, пусть она услышит меня.

– Пожалуйста! – слезы бегут у меня по щекам, огонек надежды теплится в груди. – Прошу, Ойя, не забирай их тоже...

Я открываю глаза и вижу, как Тзайн выбирается из воды, одной рукой обхватив папу за грудь. Когда отец начинает кашлять, из него выливается по меньшей мере литр жидкости, но он все еще с нами.

Он жив.

Я падаю на колени, сворачиваясь в клубок на деревянном настиле.

О боги...

Еще даже не середина дня, а я едва не погубила две жизни.

* * *

ШЕСТЬ МИНУТ.

Столько папа пробыл под водой.

Столько он боролся с течением и его легкие оставались без воздуха.

Пока мы молча сидим в нашей ахэре, я не могу выкинуть это число из головы. По тому, как отец дрожит, понимаю, что эти шесть минут стоили ему десяти лет жизни.

Этого не должно было случиться. Еще слишком рано, чтобы день закончился для нас. Сейчас я должна быть снаружи, чистить с папой утренние сети, а Тзайн должен вернуться с тренировки агбон и помочь нам.

Вместо этого брат смотрит на папу, скрестив руки на груди. Он слишком взбешен, чтобы удостоить меня взглядом. Сейчас на моей стороне только Найла, верная леонэра, которую я вырастила, подобрав раненым детенышем. Она выросла и теперь возвышается надо мной, в холке доставая Тзайну до шеи. Два острых рога выступают за ее ушами, грозя проткнуть тростниковые стены хижины. Я встаю, и Найла инстинктивно опускает огромную голову, осторожничая из-за клыков, выступающих над челюстью. Мурчит, когда я глажу ее. Хоть кто-то на меня не злится.

– Что случилось, папа?

Хриплый голос Тзайна нарушает тишину. Мы ждем ответа, но взгляд отца остается пустым. Он с отсутствующим видом смотрит в пол, и от этого мое сердце сжимается еще сильнее.

– Папа! – Брат наклоняется, чтобы заглянуть ему в глаза. – Ты помнишь, что случилось?

Тот лишь крепче хватается за одеяло:

– Нужно было рыбачить.

– Но ты не должен был выходить в море один! – кричу я.

Папа вздрагивает, и Тзайн смотрит на меня, заставляя сбавить тон.

– Твои периоды помрачения становятся все длиннее, – вновь начинаю я. – Почему нельзя было подождать, пока я вернусь?

– Не было времени, – папа качает головой. – Пришли стражники. Сказали, надо платить.

– Что? – Брови Тзайна ползут вверх. – Почему? Я заплатил им на прошлой неделе!

– Это налог на предсказательниц, – я стискиваю складку ткани на своих штанах, все еще ощущая прикосновение того солдата. – Они приходили и к Маме Агбе. Возможно, навестили каждый дом провидиц в Илорин.

Тзайн прижимает кулаки ко лбу так сильно, словно хочет разбить себе череп. Он надеялся, что игра по правилам короля сохранит нам жизни, но нет средства против порядков, установленных из ненависти.

Темное прошлое выходит на поверхность, растет грозовой тучей, прежде чем лечь тяжелой ношей мне на грудь. Если бы я не была прорицательницей, они бы не страдали. Если бы мама не была магом, она все еще была бы жива.

Я впиваюсь пальцами в волосы и случайно вырываю несколько прядей. Часть меня хочет отрезать их совсем, но даже без белых локонов мое магическое наследие – проклятье семьи. Мы – рабы, люди, гниющие в тюрьмах короля. Другие оришане изо всех сил стараются не походить на нас, объявляя наше происхождение незаконным, как будто белые волосы и мертвая магия – это клеймо изгоев.

Мама говорила, что вначале белые пряди были знаком власти над небом и землей. Они символизировали красоту, добродетель и любовь, означали, что нас благословили боги. Но когда все изменилось, люди стали считать магию злом. Нашим наследием стала ненависть.

Я смирилась с людской жестокостью, но каждый раз, когда вижу, как страдают папа и Тзайн, мучаюсь все сильнее. Папа еще выплевывает соленую воду, а мы должны думать, как свести концы с концами.

– Что насчет рыбы-парусника? – спрашивает Тзайн. – Мы можем отдать ее.

Я иду в конец хижины и открываю маленькую морозильную камеру. В морозной морской воде лежит краснохвостый парусник, его блестящая чешуя обещает восхитительный вкус. Редкая рыба в море Варри, слишком дорогая, что-

бы ее ели мы.

– Они не возьмут налог рыбой, – ворчит папа. – Нужна бронза или серебро.

Он растирает виски так, будто это заставит весь мир исчезнуть:

– Они сказали, что заберут Зели на работы, если мы не достанем деньги.

От этих слов кровь стынет в жилах. Я резко отворачиваюсь, не в силах унять страх. Принятый королем закон о работах действовал по всей Орише. Если кто-то не мог заплатить налог, то должен был трудиться на благо своего правителя. Те, кого забирали, работали, не зная отдыха, возводя дворцы, прокладывая дороги или добывая уголь.

Когда-то это система помогала Орише процветать, но со времен Рейда превратилась в одобренный государством смертный приговор. Уловка, чтобы собрать таких, как я, в одном месте, как будто короля ничего, кроме этого, не интересует. Все предсказательницы и так осиротели после Рейда. Нам не под силу платить высокие налоги, но сумму все равно увеличивают, ведь мы – королевская мишень.

Проклятье. Я пытаюсь не показывать свой страх. Если попадем в долговую яму, не выберемся. Никому это не удавалось. Мы должны будем трудиться, пока не заплатим долг, но из-за роста налога он тоже начнет увеличиваться. Прорицательниц забирают, морят голодом, избивают и подвергают другим пыткам, перегоняя с места на место, как скот. Они

должны работать, пока не умрут.

Я опускаю руки в ледяную воду, чтобы прийти в себя. Нельзя, чтобы Тзайн и папа поняли, насколько сильно я напугана. Так будет только хуже. Мои пальцы начинают дрожать, не знаю, от холода или ужаса. Как это случилось? Когда все стало настолько плохо?

– Нет, – шепчу я себе. Неправильный вопрос. С чего я вообще решила, что жизнь налаживается.

Я смотрю на одинокую белую каллу, вплетенную в натянутую на окне сеть, – единственное оставшееся воспоминание о маме. Когда мы жили в Ибадане, она украшала каллами окна нашего старого дома, чтобы почтить свою мать – обычай, которым маги поминают мертвых.

Обычно, глядя на цветок, я вспоминаю широкую улыбку, появлявшуюся на губах мамы, когда она вдыхала его коричный аромат. Сегодня все, что я вижу в его увядших листьях, – черную магацитовую цепь – ту, что надели на ее шею вместо привычного золотого амулета.

Хотя этим воспоминаниям одиннадцать лет, они ярче, чем окружающая меня реальность.

Той ночью случилось кое-что ужасное. Король Саран повесил моих соплеменников, чтобы устрасить мир и объявить войну магам, бывшим и еще не рожденным. В ту ночь магия умерла. А мы потеряли все.

Папа вздрагивает. Я подбегаю к нему и кладу руку на спину, чтобы не дать упасть. В его глазах нет гнева – они гово-

рят о нашем поражении. Он цепляется за старое одеяло, а я мечтаю увидеть воина, которого помню с детства. До Рейда он мог победить трех вооруженных мужчин лишь с ножом для снятия шкур в руках. Но после того как его избили той ночью, прошло пять лун, прежде чем он заговорил.

Тогда они сломали его, разбили сердце и истерзали душу. Может, он бы поправился, если бы не нашел труп мамы, висящий на черных цепях. Но он его видел.

С тех пор папа так и не стал прежним.

– Ладно, – вздыхает Тзайн, как всегда пытаюсь найти в золе пылающий уголь⁴. – Выйдем на лодке в море. Если отправиться сейчас...

– Не сработает, – прерываю я. – Ты видел, что творится на рынке: каждый из кожи вон лезет, чтобы заплатить налог. Даже если мы привезем рыбу, у людей все равно нет денег, чтобы ее купить.

– И лодки тоже больше нет, – бормочет папа. – Утром я потерял ее.

– Что? – Мы не можем поверить, что она не стоит снаружи. Я поворачиваюсь к Тзайну, готовая выслушать новый план, и вижу, как он оседает на тростниковый пол.

Все кончено... Я вжимаюсь в стену и закрываю глаза.

Ни лодки, ни денег. Работ не избежать.

В ахэре наступает тяжелое молчание, подтверждающее мой приговор. Возможно, меня припишут ко дворцу. Прислужи-

⁴ Быть оптимистом.

вать испорченным аристократам лучше, чем кашлять угольной пылью в шахтах Калабрара или других гнусных ямах, куда запихивают предсказательниц. Судя по тому, что я слышала, подземные бордели – не самое худшее, что может меня ожидать.

Тзайн расправляет плечи. Я его знаю: хочет сказать, что займет мое место. Но едва я решаю возразить, как мысль о королевском дворце рождает идею.

– Что насчет Лагоса? – спрашиваю я.

– Сбежать не получится.

– Не сбежать, – я качаю головой. – На их ярмарке полно аристократов. Я смогу продать парусника там.

Прежде, чем кто-то из них скажет, что идея блестящая, я хватаю лист пергамента и бегу за рыбой.

– Я привезу столько денег, что мы сможем заплатить три налога и купить новую лодку!

Пусть Тзайн сконцентрируется на тренировках агбон, папа наконец сможет отдохнуть, а я сделаю хоть что-то правильно.

– Ты не можешь уехать, – слабый голос папы обрывает мои мысли. – Слишком опасно для предсказательницы.

– Опасней, чем попасть на работы? – спрашиваю я. – Если не уеду, именно это меня и ждет.

– Я сам отправлюсь в Лагос, – говорит Тзайн.

– Ни в коем случае, – я прячу завернутую в пергамент рыбу в короб. – Ты плохо торгуешься и провалишь сделку.

– Может, я принесу меньше денег, но смогу себя защитить.

– Думаю, у меня самой неплохо получается, – я взмахиваю посохом Мамы Агбы и убираю его в короб.

– Папа, скажи, – Тзайн шикает на меня. – Если поедет Зел, она сделает какую-нибудь глупость.

– Если я поеду, то привезу больше денег, чем вы видели за всю свою жизнь.

Лоб папы нахмурен – он колеблется.

– Торговать должна Зели, – наконец произносит он.

– Спасибо!

– ...но, Тзайн, присмотри за ней.

– Нет, – брат складывает руки на груди. – Кто-то из нас должен остаться с тобой, если стражники придут вновь.

– Отведите меня к Маме Агбе, – говорит отец. – Я спрячусь у нее, пока вы не приедете.

– Но папа...

– И если вы не отправитесь в путь сейчас, к ночи не вернетесь.

Тзайн закрывает глаза, сдерживая раздражение. Он закрепляет седло на широкой спине Найлы, а я помогаю папе встать.

– Я в тебя верю, – шепчет отец, слишком тихо, чтобы брат мог услышать.

– Знаю, – я завязываю старое одеяло на его изможденном теле. – И больше тебя не подведу.

Глава третья. Амари

– АМАРИ, ВЫПРЯМИСЬ!

– Ради бога...

– Сладкого тебе более чем достаточно!

Я опускаю вилку с куском кокосового пирога и отвожу плечи назад, восхищенная тем, сколько колкостей мать может прошипеть на одном дыхании. Она сидит во главе медного стола с золотым геле⁵, туго повязанным вокруг головы. Он ловит весь свет в комнате и сверкает, подчеркивая мягкий, медно-красный цвет ее лица.

Я поправляю свой морской геле и стараюсь выглядеть царственно, желая, чтобы служанка больше не затягивала его так сильно. Пока ерзаю на стуле, янтарные глаза матери изучают одетых в лучшие наряды олойе⁶, отыскивая прячущихся в толпе гиенэр. Аристократки ждут с приклеенными улыбками, хотя я знаю, что они шепчутся у нас за спиной.

Я слышала, место ей в западных кварталах...

У нее слишком темная кожа для королевской дочери...

Мои слуги клянутся, что видели, как командующая несла ребенка Сарана...

Они носят с собой секреты, которые узнали от других

⁵ Традиционный нигерийский головной убор вроде тюрбана.

⁶ Буквально «носители титула», аристократы не королевских кровей.

сплетников, как редкие бриллианты. Их роскошные буба⁷ и юбки-иро⁸ украшены вышивками. Их клевета смешивается с духами с ароматом лилий и медовым запахом пирога, который для меня под запретом.

– Так что вы думаете об этом, принцесса Амари?

Я поднимаю глаза от божественно вкусного ломтика и вижу олойе Ронке, ожидающую моего ответа. Ее изумрудная иро ярко блестит на коже цвета красного дерева и буквально горит на фоне белых стен чайной комнаты – видно, поэтому ее и выбрали.

– Прошу прощения?

– О визите в Зарию, – она наклоняется вперед, и огромный рубин, висящий на ее шее, касается стола. Ослепительная драгоценность служит постоянным напоминанием, что олойе Ронке не рождена сидеть здесь. Она купила это право.

– Мы будем польщены, если вы остановитесь в нашем поместье, – Ронке трогает большой красный камень, ее губы кривятся, когда она ловит мой взгляд. – Уверена, мы сможем найти вам такой же рубин.

– Как любезно с вашей стороны, – я раздумываю, рисуя в голове путь из Лагоса в Зарию, которая лежит в северной части Ориши, если спуститься к морю Адетунжи – далеко за хребтом Оласимбо. Мой пульс учащается, стоит только представить мир за пределами дворца.

⁷ Свободная блузка с длинными рукавами.

⁸ Длинная юбка с запахом, узлом завязывающаяся на поясе.

– Спасибо, – наконец отвечаю я. – Для меня это будет честью...

– Но, к сожалению, Амари не сможет, – вклинивается мать, хмурясь с едва заметной грустью. – Ее учеба в самом разгаре, а она и так отстала по арифметике. Было бы катастрофой отрывать ее от занятий.

Возбуждение остывает в моей груди. Я ковыряю кусок пирога на тарелке. Мать редко позволяет мне покидать дворец. Не стоило надеяться – следовало знать, как все будет.

– Возможно, в будущем, – тихо говорю я, молясь, чтобы такое потворство собственным желаниям не вызвало гнев матери. – Вам, наверное, очень нравится там жить – с морем в двух шагах и горами за спиной.

– Там только вода и скалы, – Самара, старшая дочь олойе Ронке, морщит широкий нос. – Ничего, что могло бы сравниться с вашим восхитительным дворцом. – Она посылает моей матери улыбку, а потом поворачивается ко мне. – Кроме того, Зария кишит предсказательницами. В Лагосе, по крайней мере, мухи знают свое место.

Я напрягаюсь от жестоких слов Самары, они повисают в воздухе. Смотрю через плечо, чтобы узнать, слышала ли Бинта, но моей давней подруги нигде не видно. Единственная провидица, работающая в верхних покоях дворца, – моя служанка. Она выделяется на фоне других: даже в чепце, скрывающем белые волосы, она – изгой среди других слуг.

– Позвольте вам помочь, принцесса.

Я снова поворачиваюсь и вижу незнакомую служанку, девушку с каштановой кожей и большими круглыми глазами. Она забирает полупустую чашку и ставит передо мной новую. Всматриваюсь в янтарный чай. Если бы здесь была Бинта, она бы положила в него целую ложку сахара, пока мать не видит.

– Ты не знаешь, где Бинта?

Девушка отступает на шаг и поджимает губы.

– В чем дело?

Она открывает рот, но взгляд скользит по сидящим за столом женщинам.

– Бинту призвали в тронный зал, ваше высочество. Прямо перед началом обеда.

Нахмурившись, я опускаю голову. Что отцу нужно от Бинты? Из всех дворцовых слуг она единственная, кого он никогда не вызывал. Он вообще редко о них вспоминает.

– Она сказала, почему? – спрашиваю я.

Девушка качает головой и понижает голос, подбирая каждое слово:

– Нет. Стражники *сопровождали* ее.

Вкус горечи появляется на языке, я делаю глубокий вдох. Стражники не сопровождают. Они хватают. Требуют.

Девушка жаждет сказать больше, но мать награждает служанку тяжелым взглядом. Ее холодные пальцы сжимают мое колено под столом.

– *Хватит говорить с прислугой.*

Я отворачиваюсь и опускаю голову, избегая взгляда матери. Она прищуривается, словно красногрудый огнястрел на охоте, ожидая, когда я опозорю ее вновь. Но, несмотря на ее раздражение, я не могу не думать о Бинте. Отец знает, как мы близки, и если ему от нее что-то нужно, почему он не обратился ко мне?

Я гляжу сквозь украшенные изразцами окна на королевский сад и недоумеваю все сильнее, позабыв о неискреннем смехе олойе. Дверь во дворец распаивается, и к нам врывается мой брат.

Инан, высокий и красивый, одетый в военную форму, готов впервые патрулировать Лагос. Он выделяется среди других стражников – сияет, как драгоценность. Гравированный шлем говорит о том, что его повысили до капитана. Я нехотя улыбаюсь, желая быть причастной к этому особенному событию. То, о чем он мечтал, наконец случилось.

– Впечатляет, не правда ли? – Светло-карие глаза Самары смотрят на моего брата с пугающей похотью. – Самый молодой капитан в истории. Он станет прекрасным королем.

– Непременно, – мать сияет, наклонившись к той, кого жаждет заполучить в дочери. – Правда, мне бы хотелось, чтобы его повышение не сопровождалось вспышкой насилия. Никогда не знаешь, что отчаявшаяся муха сделает с наследным принцем.

Олойе кивают и высказывают свои глупые мысли. Говорят так беспечно, будто обсуждают расшитые бриллиантами ге-

ле, вошедшие в моду в Лагосе. Я оборачиваюсь к служанке, рассказавшей мне о Бинте. Хотя она уже отошла от стола, ее руки еще дрожат...

– Самара, – голос матери обрывает мои мысли, заставляя меня прислушаться. – Я говорила, что сегодня ты выглядишь по-королевски?

Я молча допиваю чай. Хотя мама сказала «по-королевски», она наверняка подразумевала «светлее»: как кровные аристократы, которые могли гордиться своей родословной, восходящей к первым королям Ориши.

Не *заурядно*, как смуглые фермеры, обрабатывающие поля Мины, или торговцы Лагоса, весь день проводящие на солнце. Не *жалко*, как я – принцесса, которую стыдится собственная мать.

Наблюдая за Самарой поверх чашки, я поражаюсь нежному, светло-коричневому цвету ее лица. Еще несколько обедов назад она была такой же темной, как мать.

– Вы слишком добры, ваше величество, – Самара с фальшивой скромностью опускает глаза, разглаживая несуществующие складки на юбке.

– Ты должна поделиться своим секретом с Амари, – мать кладет холодную руку мне на плечо – светлые пальцы ложатся на медную кожу. – Она бродит по садам так часто, что стала выглядеть, как крестьянка.

Мать смеется, как будто прислуга не сопровождает меня с зонтиками от солнца, стоит мне выйти наружу. Как будто она

не осыпала меня пудрой прямо перед обедом, ругаясь, что из-за моей кожи среди аристократов ходят слухи о ее связи со слугой.

– В этом нет необходимости, мама, – съезживаюсь я, вспоминая боль и уксусную вонь последнего крема.

– О, с огромным удовольствием, – сияет Самара.

– Да, но...

– Амари, – обрывает меня мать с улыбкой, настолько натянутой, что мне кажется, ее кожа вот-вот треснет. – Она непременно примет твою помощь, особенно перед началом сватовства.

Я пытаюсь проглотить комок в горле, но начинаю задыхаться. В эту секунду запах уксуса становится таким сильным, что я почти чувствую жжение.

– Не волнуйтесь, – Самара сжимает мою руку, неправильно понимая мой ужас. – Вам понравятся ухаживания. Это даже забавно.

Я выдавливаю улыбку и пытаюсь освободить руку, но Самара держит так крепко, будто нарочно не отпускает. Ее золотые кольца впиваются в кожу. На каждом – особый камень, а одно из них соединяется цепочкой с браслетом, где выгравирована наша королевская печать – усыпанный бриллиантами снежный леопанэр.

Самара носит его с гордостью. Вне всякого сомнения, это подарок моей матери. Сама того не желая, я люблю им – на нем даже больше бриллиантов, чем на моем...

Небо...

Уже не моем. Я начинаю паниковать, вспоминая, что стало с брашлетом, моим подарком Бинте.

Она не хотела его брать – ее пугала цена королевского дара. Но отец поднял налог на предсказательниц, и если бы служанка его не продала, ее семья потеряла бы дом.

Они узнали, понимаю я. Решили, что Бинта – воровка. Вот почему ее призвали в тронный зал. Вот почему *сопровожили*.

Я вскакиваю с места. Ножки кресла скрипят по плитам пола. Представляю, как стражники заламывают нежные руки Бинты. Как отец опускает меч...

– Прошу прощения, – говорю я, отступая назад.

– Амари, сядь.

– Мама, я...

– Амари!

– Мама, пожалуйста!

Слишком громко.

Я понимаю это, едва слова вырываются у меня изо рта. Мой крик отражается от стен чайной комнаты. Беседа затихает.

– Тысяча извинений, – выдавливаю я. – Мне нездоровится.

Взгляды олойе обжигают мне спину, когда я спешу к двери. Предчувствую жар грядущего материнского гнева, но бояться нет времени. Едва дверь закрывается, я срываюсь с ме-

ста, подобрав тяжелый подол. Туфельки на высоком каблучке стучат по плитам пола, пока я бегу сквозь бесчисленные залы.

Как можно быть такой душой? Ругаю себя, стараясь не попасться на глаза слугам. Нужно было уйти, едва девушка сказала, что Бинту забрали. Окажись я на ее месте, она бы не медлила ни секунды.

О небо, умоляю я, пробегая мимо изящной вазы с красными лилиями в зале, предшествующем тронному, мимо портретов царственных предков, взирающих на меня из глубины веков. *Пожалуйста, только держись.*

Лелея надежду, заворачиваю за угол.

От жары, разлитой в воздухе, трудно дышать. Сердце колотится где-то в горле, когда я замираю перед тронным залом отца – местом, которое страшит меня больше всего на свете. Местом, где он приказал нам с Инаном драться.

Родиной большинства моих шрамов.

Я хватаюсь за бархатные занавеси, закрывающие двери из черного дуба. Пот с ладоней впитывается в роскошную ткань. *Он не станет слушать.* Но ведь это я отдала браслет. Пусть отец накажет меня вместо Бинты.

Мурашки бегут по спине, пальцы немеют. *Сделай это ради Бинты.*

– Ради Бинты, – шепчу я.

Моей первой подруги. *Единственной* подруги.

Я должна ее спасти. Глубоко вздохнув, стираю пот с ладо-

ней, наслаждаясь последними спокойными секундами. Стоит моим пальцам коснуться блестящей дверной ручки, как...

– Что?

Голос отца, подобно реву дикого гориллиона, гремит за закрытой дверью. Сердце вот-вот вырвется у меня из груди. Я слышала, как он кричал раньше, но так страшно – никогда. *Неужели я опоздала?*

Дверь распахивается, и я отшатываюсь, когда поток стражников и держателей опахал выплескивается из зала, точно они – воры, бегущие от правосудия. За ними следуют аристократы и слуги из тронного зала. Я остаюсь одна.

Иди. Ноги подгибаются, стоит мне приблизиться к двери. Настроение отца уже испорчено, и все же надо отыскать Бинту. Исходя из того, что я знаю, она может быть внутри.

Я не могу оставить ее наедине с отцом и бросаюсь вперед, ухватившись за дверь, прежде чем та закроется. Обхватываю дерево пальцами, легонько тяну на себя и смотрю в щелочку.

– Что это значит?! – снова кричит отец, так, что слюна брызжет на бороду. Вены пульсируют под кожей цвета красного дерева, сливаясь с красной агбада⁹, в которую он одет.

Я открываю дверь чуть шире в страхе, что увижу тоненькую фигурку Бинты. Но вместо этого смотрю на адмирала Эбеле, съездившегося перед тронном. Бусины пота выступают на его лысом черепе, он избегает взгляда отца. Рядом, вытянувшись, стоит командир Каэя, ее тугая, блестящая коса

⁹ Мужская мантия с длинными рукавами.

спускается ниже плеч.

– Артефакт прибило к берегу у Варри, маленькой приморской деревушки, – объясняет Каэя. – Его близость пробудила скрытые способности нескольких местных предсказательниц.

– Скрытые способности?

Каэя сглатывает, мышцы под ее светло-коричневой кожей напряжены. Она дает возможность заговорить адмиралу Эбеле, но тот молчит.

– Предсказательницы изменились, – Каэя вздрагивает, будто слова причиняют ей боль. – Артефакты пробудили дремавшие в них силы, и они стали магами.

Я ахаю, но тут же закрываю ладонью рот. *Магами? В Орише? После всего, что случилось?*

Ужас тупым шипом вонзается мне в грудь, мешая дышать, но я приоткрываю дверь еще шире, чтобы лучше видеть. Я жду ответа отца. *Этого не может быть...*

– Невозможно, – наконец говорит отец едва различимым шепотом, при этом стискивает рукоятку черного магацитового клинка так, что хрустят костяшки пальцев.

– Боюсь, нет, ваше величество, я была там и видела все своими глазами. Их магия была слабой, но она вернулась.

Боже... Что нас теперь ждет, что случится с монархией? Вдруг маги уже планируют нападение? Сможем ли мы им противостоять?

В моей голове всплывают воспоминания об отце до Рей-

да – это был параноик со сжатыми зубами и седеющими волосами. Человек, приказавший запереть меня и Инана в королевских подвалах, вложив в наши руки мечи, хотя мы были слишком малы, чтобы их поднять.

«Маги придут за вами, – говорил он и с теми же словами заставлял нас драться. – Когда это случится, вы должны быть готовы».

Воспоминание о боли отдается в спине, когда я изучаю бледное лицо отца. Его молчание страшит сильнее, чем гнев. Адмирал Эбеле трясется, как лист.

– Где теперь маги?

– От них избавились.

Внутри все сжимается, выпитый чай просится наружу. Они мертвы. Убиты. Пошли на корм рыбам.

– А артефакты? – продолжает отец, несколько не расстроенный гибелью магов. Будь его воля, он избавился бы от всех без исключения.

– Я забрала свиток, – рука Каэи ныряет под нагрудник, и она достает сморщенный пергамент. – Обнаружив его, позаботилась о свидетелях и сразу явилась сюда.

– А что с солнечным камнем?

Каэя награждает Эбеле грозным взглядом. Он долго откашливается, оттягивая минуту объяснений.

– Камень украли из Варри до того, как мы прибыли, ваше величество. Но мы пустились в погоню. Наши лучшие люди идут по следу, и я уверен: скоро он будет у нас.

Гнев отца сгущается в воздухе, как гроза.

– Ты должен был уничтожить их, – шипит он. – *Как* такое могло случиться?

– Я пытался, ваше величество, каждую ночь. Делал все, чтобы их разрушить, но артефакты зачарованы, – Эбеле переводит взгляд на Каэю, но та смотрит прямо перед собой. Пот собирается в складках его подбородка.

– Я порвал свиток, но он сросся. Сжег его, но он возник из пепла. Приказал самому сильному стражнику разбить солнечный камень булавой, но на нем не осталось ни царапины! Не в силах уничтожить эти проклятые артефакты, я запер их в железный сундук и утопил в сердце моря Банджоко. Они никогда не должны были пристать к берегу! Только благодаря магам...

Эбеле замолкает, как только слово срывается с губ.

– Клянусь, ваше величество, я сделал все, что мог, но, похоже, у богов другие планы.

У богов? Я прижимаю ухо к двери. Неужели Эбеле сошел с ума от страха? Богов нет. Все во дворце это знают.

Я жду, как отец отреагирует на глупость Эбеле, но его лицо остается каменным. Он поднимается с трона, обдумывая услышанное. Затем быстрее гадюки бросается на Эбеле, хватая его за горло.

– Скажи, адмирал, – он поднимает тело подчиненного в воздух, усиливая хватку. – Чьи планы страшат тебя больше? Богов? *Или мои?*

Я делаю шаг назад и отворачиваюсь, не желая видеть, как Эбеле задыхается. Ненавижу эту сторону отца и всячески стараюсь ее не замечать.

– Я... Я обещаю, – хрипит Эбеле, – что все исправлю. Клянись!

Отец отбрасывает его, как гнилой фрукт. Эбеле задыхается и трет шею, синяки почти мгновенно проступают на его медной коже. Отец вновь поворачивается к свитку в руке Каэи.

– Покажи мне, – приказывает он.

Каэя подает знак, подзывая кого-то, стоявшего слишком далеко, чтобы я могла разглядеть. Слышу, как сапоги звенят по плитам, а затем вижу ее.

Бинта.

Я хватаюсь за сердце, когда подругу выталкивают вперед. В ее больших серебряных глазах стоят слезы. Чепец, который она с таким усердием завязывала каждый день, перекопсился, открыв белоснежные длинные локоны. Кто-то заткнул ей рот шарфом, чтобы она не кричала, но даже если бы могла, кто бы ей помог? Она уже в руках стражи.

Сделай что-нибудь, говорю я себе. *Немедленно.* Но мои ноги будто налились свинцом, а рук я и вовсе не чувствую.

Каэя разворачивает свиток и осторожно подходит к моей служанке, будто приближаясь к зверю, а не к милой девочке, что столько лет вытирала мне слезы, которая всегда оставляла свою еду, чтобы отнести домой и отдать родным.

– Поднимите ей руку.

Бинта мотает головой, когда стражник хватает ее за запястье. Из-под шарфа доносится приглушенный крик. Хотя девушка сопротивляется, Каэя вкладывает свиток ей в руку.

Свет вспыхивает на ладони моей подруги.

Он наполняет тронный зал волшебным сиянием, которое отливает золотым, пурпурным, синим. Мерцает и переливается, ниспадая каскадом, бесконечным потоком стекая с пальцев Бинты.

– О боги, – вздыхаю я, сердце переполняет благоговейный трепет, который сменяется ужасом перед грядущей войной.

Магия. Здесь. После стольких лет...

Мне вспоминаются предостережения отца насчет колдовства, истории, полные битв и разрушений, темных сил и болезней. «*Магия – источник всякого зла, – шипел он. – Она разорвет Оришу на части!*»

Отец всегда говорил мне и брату, что магия – наша смерть и опасное оружие, угрожающее Орише. Пока она существует, в королевстве не будет мира.

В темные дни после Рейда я представляла магию жутким, безликим чудовищем. Но сейчас, в руках Бинты, она завораживает и кажется необыкновенным чудом. Словно летнее солнце и сумерки, дыхание и самая суть жизни слились воедино...

Внезапно отец наносит удар. Быстрый, как молния. Его меч пронзает грудь Бинты, стоящей перед ним. *Нет!*

Я прижимаю ладонь к губам, стараясь не закричать, и едва не падаю. Тошнота подступает к горлу. Слезы обжигают глаза.

Этого не может быть. Мир передо мной начинает кружиться. Это не правда. Бинта жива. Она ждет в моих покоях с ломтиком сладкого хлеба.

Но мои отчаянные мысли не могут изменить реальность. Мертвых не воскресить.

Алое пятно проступает на кляпе Бинты. Багряные цветы распускаются на ее легком голубом платье. Я вновь сдерживаю крик, когда ее тело с глухим звуком падает на пол, тяжелое, как свинец.

Кровавая лужа растекается вокруг безмятежного лица моей служанки, окрашивая ее белые кудри красным. Медный запах сочится сквозь щель двери, заставляя меня подавлять тошноту.

Отец сдергивает с Бинты передник и вытирает им меч, так непринужденно, словно ему плевать, что ее кровь пятнает королевскую мантию.

Он не понимает, что кровь подруги на моих руках.

Я пачусь, путаясь в подоле платья. Бегу к лестнице за углом зала, пытаюсь унять дрожь в ногах. Перед глазами стоит пелена, я хочу вернуться в свои покои, но не успеваю и подбегаю к вазе. Хватаюсь за ее керамическое горло. Меня рвет. Желчью и кислым чаем.

Я падаю на колени, и рыдания вырываются наружу. Чув-

ствую в сердце щемящую боль.

Если бы Бинта была жива, она пришла бы мне на помощь. Взяла бы за руку, отвела в покои, села на кровать рядом со мной и вытерла бы слезы. Собрала бы все кусочки моего разбитого сердца и сумела бы его исцелить.

Я подавляю рыдание и зажимаю рот, но горькие слезы бегут по пальцам. Снова чувствую запах крови, вновь вспоминаю удар меча...

Дверь тронного зала распахивается. Я вскакиваю на ноги, испугавшись, что это отец, но выходит один из стражников, державших Бинту.

У него в руках свиток.

Я смотрю на старый пергамент, пока солдат идет в мою сторону, и вспоминаю, как от одного прикосновения к свитку мир наполнился светом. Невероятно прекрасным ярким светом, таившимся в глубине души моей милой подруги.

Я отворачиваюсь и прячу заплаканное лицо, когда стражник проходит мимо.

– Простите, мне нездоровится, – шепчу я. – Должно быть, съела испорченный фрукт.

Стражник едва заметно кивает и продолжает подниматься по лестнице. Он сжимает свиток так, что костяшки белеют, как будто страшась того, на что способен магический пергамент, если держать его недостаточно крепко. Смотрю, как он останавливается на третьем этаже и открывает черную дверь. Внезапно я понимаю, куда он направляется.

В покои командира Каэи.

Время идет, а я все гляжу на дверь, ожидая сама не зная чего. Промедление не вернет Бинту, не позволит вновь насладиться ее музыкальным смехом. Но я все жду, застыв на месте. Затем дверь открывается снова, и я отворачиваюсь к вазе, делая вид, что меня рвет, не останавливаясь, пока стражник не проходит мимо. Его подбитые железом сапоги звенят, когда он возвращается в тронный зал. Свитка у него нет.

Трясущимися руками вытираю слезы, без сомнения смазав макияж, который нанесла мне мать. Вытираю рот, избавляясь от остатков рвоты. Вопросы роятся в моем мозгу, когда я поднимаюсь по лестнице к двери Каэи.

Знаю, что нужно вернуться к себе в покои, и все же вхожу.

Дверь захлопывается за спиной с глухим стуком, и я подпрыгиваю, пугаясь, что кого-нибудь привлечет шум. Я никогда еще не была в покоях командира Каэи. Не думаю, что сюда пускают даже слуг.

Мои глаза скользят по бордовым стенам, так не похожим на мои, светло-лиловые. Королевская мантия валяется в изножье кровати Каэи. *Мантия отца...* Он, наверное, забыл ее.

В другой день от осознания того, что отец посещал покой Каэи, меня душили бы слезы, но сейчас я ничего не чувствую. Все это неважно по сравнению со свитком, оставленным на столе командира.

Делаю шаг вперед. Ноги дрожат, словно я подхожу к краю утеса. Жду, что воздух вокруг свитка будет пронизан магией, но он остается неподвижным. Я протягиваю руку, но медлю, борясь с нарастающим страхом. Вспоминаю свет, вспыхнувший в ладонях Бинты.

И меч, пронзивший ее грудь.

Подбадривая себя, снова протягиваю руку. Кончики пальцев касаются свитка, и я закрываю глаза.

Никакой магии.

Вздых, томившийся в моей груди, вырывается наружу, когда я хватаю сморщенный пергамент. Развернув свиток, вижу странные знаки и тщетно пытаюсь их прочесть. Я не встречала ничего подобного раньше, это не похоже ни на один знакомый мне язык. Но из-за них умирали маги.

Эти знаки могли быть написаны кровью Бинты.

Ветерок влетает в открытое окно, играя локоном, выбившимся из-под развязавшегося геле. Под вздымающимися занавесками виднеется оружие Каэи: острые мечи, поводья пантенэры, медная броня, но мой взгляд опускается на моток веревки. Я сбрасываю геле на пол.

И, не раздумывая, хватаю мантию отца.

Глава четвертая. Зели

– Ты правда не станешь со мной говорить?

Я склоняюсь с седла Найлы, чтобы заглянуть в каменное лицо Тзайна. Ожидалось, что брат будет молчать час, но прошло три, а он так и не проронил ни слова.

– Как тренировка? – Я не оставляю попытки. – Лодыжка М'баллу зажила? Думаешь, она поправится к играм?

Тзайн открывает рот, чтобы ответить, но спохватывается, закрывает его и подстегивает Найлу, отправляя ее в галоп среди высоких эбеновых деревьев.

– Тзайн, хватит, – говорю я. – Ты не можешь не обращать на меня внимания всю оставшуюся жизнь.

– Я попробую.

– О боги! – Я закатываю глаза. – Чего ты от меня хочешь?

– Может, извинений? – рычит Тзайн. – Папа чуть не погиб! А сейчас ты сидишь здесь, притворяясь, будто ничего не случилось.

– Я уже попросила прощения, – огрызаюсь я в ответ. – У тебя и у папы.

– Это ничего не меняет.

– Тогда прости, что не могу изменить прошлое!

Мой крик эхом разносится среди деревьев, и вновь между нами воцаряется ледяное молчание. Я провожу пальцами по трещинам старого кожаного седла Найлы, и в груди разлива-

ется пустота.

«Ради богов, подумай, Зели, – звенят в моей голове слова Мамаы Агбы. – Кто защитит твоего отца, если ты ранишь этих людей? Кто поможет Тзайну, когда стражники решат отомстить?»

– Тзайн, мне очень жаль, – тихо говорю я. – Правда. Чувствую себя ужасно, гораздо хуже, чем ты можешь себе представить, но...

Тзайн раздраженно вздыхает:

– Всегда есть «но».

– Это не моя вина! – восклицаю я вне себя от гнева. – Папа вышел в море из-за стражников!

– А из-за тебя чуть не утонул, – возражает Тзайн. – Ведь это *ты* оставила его одного.

Я замолкаю. Спорить нет смысла. Настоящий косидан, сильный и красивый, Тзайн не поймет, почему мне так нужно заниматься с Мамой Агбой. Юноши Илорин хотят с ним дружить, девушки – украсть его сердце. Даже стражники ходят за ним по пятам, восхищаясь его игрой.

Он не поймет, что значит быть мной, предсказательницей. Вскакивать всякий раз, как появляется стража, не зная, когда издевательства закончатся.

Я начну с этой...

При воспоминании о грубой хватке стражника желудок скручивает. Кричал бы на меня Тзайн, если бы знал? Если бы понял, сколько усилий я прикладываю, чтобы не разры-

даться?

Мы едем в полной тишине. Деревья начинают редеть, и вдали появляется Лагос. Столица за воротами из эбенового дерева совсем не похожа на Илорин. Вместо сонного моря город наводнен бесчисленными толпами народа. Даже изда- лека видно, насколько много в нем людей. Непонятно, как они там живут.

Я глазею на столицу со спины Найлы, по пути высматри- вая белые головы предсказателей. Косидане Лагоса по коли- честву превосходят их втрое, а значит, должны сильно вы- деляться из толпы. Хотя места за стенами столицы хватило бы на всех, мой народ ютится в трущобах – единственном месте, где им позволено жить. Я горестно вздыхаю, сидя на спине Найлы, от вида трущоб что-то во мне как будто умира- ет. Столетия назад десять магических кланов и их дети жи- ли обособленно. Косидане строили города, а маги жили на берегу океана, в горах или среди полей. Но со временем они расселились по всей Орише, движимые любопытством и но- выми возможностями.

Прошли годы. Маги и косидане стали играть свадьбы, со- здавая семьи вроде моей. Смешанные браки множились, ма- гов в Орише становилось все больше. До Рейда мой народ был самым многочисленным в Лагосе.

Те предсказатели, которых я сейчас вижу, – все, что оста- лось.

Тзайн натягивает поводья Найлы, останавливаясь, когда

мы подъезжаем к деревянным воротам:

– Подожду здесь. Город ее испугает.

Я киваю и спускаюсь. Целую темный, влажный нос Найлы и улыбаюсь, когда она лижет меня шершавым языком, но улыбка тут же меркнет, едва я оглядываюсь на Тзайна. Мы так и не обмолвились ни словом, нужно спешить. Я поворачиваюсь и иду к воротам.

– Стой.

Тзайн спрыгивает с Найлы, нагоняя меня одним широким шагом. Брат вкладывает мне в руку ржавый кинжал.

– У меня же есть посох.

– Знаю, – говорит он. – На всякий случай.

Я убираю оружие в карман:

– Спасибо.

Мы молча смотрим на грязь под ногами. Тзайн пинает камешек. Не знаю, кто сломается первым. Наконец, он нарушает молчание:

– Я не слепой, Зел. Знаю: в том, что случилось сегодня, нет твоей вины. Но я жду от тебя большей осторожности, – на секунду глаза Тзайна вспыхивают, открывая то, что он стремится спрятать. – Папе все хуже, а стражники дышат нам в спину. У тебя нет права на ошибку, следующая станет последней.

Я киваю, все еще глядя в землю. Я многое могу пережить, но разочарование Тзайна ранит, как нож.

– Будь осторожнее, – вздыхает Тзайн. – Пожалуйста. Папа

не переживет твоей смерти... И я тоже.

Стараюсь не обращать внимания на боль в сердце.

– Прости, – шепчу я. – Я сделаю все, как надо. Обещаю.

– Хорошо, – Тзайн выдавливает улыбку и ерошит мне волосы. – Хватит об этом. Иди и продай эту рыбину втридородга.

Я смеюсь, поправляя ремешки сумки:

– Сколько, ты думаешь, мне за нее дадут?

– Две сотни.

– И все? – Я вскидываю подбородок. – Ты так низко ценишь мои таланты?

– Это куча денег, Зел!

– Спорим, я получу больше?

Улыбка Тзайна становится шире в предвкушении пари:

– Принеси больше, и я буду сидеть с папой всю следующую неделю.

– По рукам, – я ухмыляюсь, воображая следующий поединок с Йеми. Посмотрим, что она сможет против моего нового посоха.

Спешу в город, готовая торговаться, но при виде стражников у ворот сердце уходит в пятку. Я пытаюсь унять дрожь, пряча складной посох под поясом шаровар.

– Имя? – рычит высокий стражник, глядя в огромную книгу. Его темные волосы вьются от жары, мокрые от текущего по щекам пота.

– Зели Адебола, – отвечаю я со всем уважением, на какое

способна. *Больше никаких ошибок.* Я нервно сглатываю. *По крайней мере, сегодня.*

Стражник едва достаивает меня взглядом, записывая имя.

– Откуда?

– Из Илорин.

– *Илорин?*

Другой стражник, невысокий и толстый, пошатываясь, подходит к нам, опираясь на стену, чтобы не упасть. Резкий запах алкоголя наполняет воздух, когда он приближается.

– Что ты, мушка, за... была так да... леко от дома?

Невнятные слова вылетают изо рта вместе со слюной. Сердце сжимается, когда он подходит ко мне. Его мутный взгляд становится злым.

– Цель визита? – спрашивает высокий и, к счастью, трезвый стражник.

– Торговля.

При этих словах мерзкая улыбка появляется на пьяном лице второго. Он пытается схватить меня за руку, но я отступаю и поднимаю сверток.

– Торговля *рыбой*, – говорю я, но, несмотря на мое объяснение, стражник бросается вперед. Я рычу, когда его пухлые руки обхватывают мою шею, прижимая к стене. Он наклоняется так близко, что я вижу черные и желтые пятна на его зубах.

– Ясно, по... чему ты рыбой торгуешь, – хохочет он. –

Сколько сей... час стоит муха? Два медяка?

Кожа горит, а руки чешутся достать посох. После Рейда магам и косиданам запрещено даже целоваться, но это не мешает стражникам нас лапать.

Мой гнев словно превращается в черную ярость, во тьму, что поднималась в маме, когда стражники вставали у нее на пути. Эта сила рождает во мне желание оттолкнуть его, переломать каждый жирный палец на его руках. Но я вспоминаю о тревоге Тзайна, о больном сердце папы, о словах Мамы Агбы.

Думай, Зели. Об отце и брате. Я обещала не подвести их. Нельзя все испортить.

Я повторяю это себе снова и снова, пока пьяная скотина не отпускает меня. Он тихо смеется, гордый собой, прежде чем снова глотнуть из бутылки. Так они расслабляются.

Я поворачиваюсь к другому стражнику, тщетно пытаюсь скрыть горящую в глазах ненависть. Не знаю, кого презираю сильнее – пьянчугу, что трогал меня, или мерзавца, который позволил этому случиться.

– Еще вопросы? – сквозь зубы спрашиваю я.

Стражник качает головой.

Я миную ворота, быстро, как гепанэр, пока он не передумал, но уже через несколько шагов хочу убежать подальше от шума и безумия Лагоса.

– О боги, – выдыхаю я, потрясенная огромным количеством людей вокруг. Крестьяне, торговцы, стражники и ари-

стократы спешат по грязным улицам, каждый – по своим делам.

Вдалеке виднеется дворец короля. Древние белые стены и позолоченные арки блестят на солнце, контрастируя с трущобами на окраинах.

Я разглядываю дома бедных. При виде возвышающихся вверх лачуг у меня захватывает дух. Домишки слеплены, будто соты. Они похожи на вертикальный лабиринт – один возвышается над другим, и хотя многие – коричневые и блеклые, стены некоторых ярко раскрашены и испещрены причудливыми узорами. Это протест, отказ считаться бедным кварталом, пылающий уголь там, где король видит только золу.

Я осторожно приближаюсь к центру города. Шагая по трущобам, замечаю, что большинство предсказателей не старше меня. После Рейда редкий прорицатель в Лагосе доживает до совершеннолетия, не угодив в тюрьму или на работы.

– Пожалуйста, я не хотел... Нет! – звучит крик.

Я вздрагиваю, когда прямо передо мной пролетает палка надсмотрщика и опускается на спину маленького предсказателя, оставляя пятна крови на, вероятно, последней чистой одежде в его жизни. Мальчик падает на груды черепков – осколков разбитой посуды, которую его слабые руки не смогли удержать. Надсмотрщик вновь поднимает трость, и я вижу ее черный магацитовый блеск.

О боги. Острый запах опаленной плоти ударяет в нос, ко-

гда надсмотрщик бьет мальчика по спине. Дымок вьется над кожей, пока несчастный пытается встать на колени. От жуткого зрелища у меня немеют пальцы, но я вспоминаю о работах, которые могут мне предстоять.

Вперед. Я заставляю себя двигаться, хотя сердце уходит в пятки. Пошевеливайся или окажешься на его месте.

Я спешу к центру Лагоса, стараясь не замечать запаха сливных стоков, текущих по улицам трущоб. Когда я достигаю синих зданий торгового квартала, вонь сменяется ароматом сладкого хлеба и корицы, и желудок урчит от голода. Я готовлю себя к предстоящей торговле. Центральный рынок впереди гудит тысячей голосов, и я замираю, когда вижу его.

Неважно, как часто мы с папой продавали здесь крупную рыбу, безумие этого рынка не перестает меня удивлять. На нем, более шумном, чем улицы Лагоса, можно купить любой товар, известный в Орише. Целый ряд занимает пшеница с огромных полей Мины, сразу за ней торгуют восхитительным железом с фабрик Гомбе. Я шагаю в толпе мимо прилавков, наслаждаясь запахом жареных бананов.

Наострив уши, пытаюсь понять, как здесь торговаться, и узнать скорость заключения каждой сделки. Передо мной разворачивается настоящая битва, где слова режут, как ножи. Кажется, они смертоносней тех, которыми пользуются в Илорин. Здесь нет места уступкам. Только нажива.

Я прохожу мимо деревянных загонов с детенышами гепанэра, улыбаясь при виде тоненьких рожек над их голова-

ми. Пробираюсь мимо тележек с узорной тканью и, наконец, достигаю рыбного рынка.

– Сорок медных монет.

– За тигровую рыбу?

– Тридцать и ни монетой больше!

Торговцы кричат так громко, что я едва могу думать. Нет, это не плавучий рынок Илорин. Честной торговле здесь не место. Прикусив губу, изучаю толпу. Мне нужен знак. Нужен какой-нибудь богатый дурак...

– Форель?! – кричит мужчина. – Разве я похож на того, кто ест форель?

Я поворачиваюсь к пухлому аристократу в темно-пурпурной дашики. Его ореховые глаза сузились от гнева. Он смотрит на торговца-косидана так, словно только что получил смертельное оскорбление.

– У меня есть морской петух, – предлагает тот, – камбала, большеротый окунь...

– Я сказал, что хочу рыбу-меч, – обрывает его аристократ. – Мой слуга говорит, ты отказываешься ее продавать.

– Сейчас не сезон.

– Но ведь король ест ее каждую ночь.

Торговец чешет затылок:

– Если рыбу-меч ловят, ее тут же отправляют во дворец.

Это закон.

Лицо аристократа вспыхивает от гнева, и он достает маленький бархатный кошелек.

– Сколько за нее предлагают? – Он звенит монетами. – Я заплачу двойную цену.

Торговец алчно смотрит на кошелек, но не соглашается:

– Мне нельзя рисковать.

– А мне можно! – кричу я.

Аристократ поворачивается ко мне и с недоверием прищуривается. Я жестом подзываю его, уводя от прилавка.

– У тебя есть рыба-меч? – спрашивает он.

– Лучше. То, что больше никто не сможет вам предложить.

Его глаза округляются, и я ощущаю азарт, который появляется, когда рыбка вот-вот заглотнет наживку. Аккуратно разворачиваю парусника и держу его на свету так, чтобы чешуя заблестела.

– О боже! – вырывается у аристократа. – Она чудесна.

– И намного вкуснее, чем выглядит. Краснохвостый парусник прямо с берегов Илорин. Сейчас не их сезон, так что будьте уверены, даже король сегодня ей не поужинает.

Лицо аристократа расплывается в улыбке, и я понимаю, что он на крючке. Мужчина достает кошелек.

– Пятьдесят монет серебром.

От неожиданности мои глаза округляются, но я беру себя в руки. *Пятьдесят...*

Этого хватит для уплаты налога и, возможно, на новую лодку. Но если стражники увеличат поборы в следующее полнолуние, эти деньги не спасут меня от долговой ямы.

С громким смехом я принимаюсь заворачивать рыбу.

Аристократ хмурится:

– Что ты делаешь?

– Продам это сокровище тому, кто сможет его себе позволить.

– Да как ты смеешь...

– Простите, – прерываю я. – У меня нет времени на человека, который предлагает пятьдесят монет за лакомство, стоящее в десять раз больше.

Аристократ ворчит, но лезет в карман и достает второй бархатный кошелек.

– Триста и точка.

О боги! Пальцами ног я впиваюсь в землю, чтобы не упасть. Это больше, чем мы видели за всю нашу жизнь. По меньшей мере, полгода не придется думать о налогах, даже если они поднимутся!

Открываю рот, чтобы заключить сделку, но, взглянув аристократу в глаза, медлю. Если он согласился так быстро, возможно, я смогу поторговаться еще...

– *Бери*, – слышу я голос Тзайна. – *Этого более чем достаточно.*

Но не могу остановиться.

– Простите, – я пожимаю плечами, продолжая заворачивать парусника. – Не могу отдать королевское яство тому, кто не может его купить.

Ноздри аристократа расширяются. Возможно, я зашла

слишком далеко. Я жду, пока он заговорит, но между нами лишь гневное молчание. Мне остается только развернуться и уйти.

Каждый шаг кажется вечностью. Я сгибаюсь под грузом новой ошибки. *Найдешь еще одного*, пытаюсь я себя успокоить. *Другого знатного дурака с деньгами*. Получишь больше, чем три сотни. Рыба ведь куда дороже... Так?

– Проклятье, – я едва не врезаюсь в прилавок с креветками и осознаю, что натворила. Что мне теперь делать? Кто может быть настолько глуп, чтобы...

– Пстой!

Я поворачиваюсь, и пухлый аристократ сует мне в руки три звенящих кошелька.

– Как скажешь, – огорченно ворчит он. – Пять сотен.

Смотрю на него, не веря своим глазам, и он принимает это за сомнение.

– Пересчитай, если хочешь.

Я открываю кошелек: монеты так прекрасны, что хочется плакать. Серебро блестит, словно чешуя парусника, его тяжесть вселяет мне большую надежду. *Пять сотен!* Новая лодка и год отдыха для папы. *Наконец-то*.

Я сделала что-то правильно.

Вручаю рыбу аристократу, не в силах скрыть улыбку:

– Наслаждайтесь. Сегодня вы поужинаете лучше короля.

Мужчина надменно усмехается, но уголки его рта изгибаются от удовольствия. Засунув бархатные кошельки в сумку,

я ухожу. Сердце бьется так громко, что заглушает шум рынка. Вдруг слышу крики и замираю. Это не споры торговцев. *Что за...*

Я отшатываюсь – передо мной падает прилавок с фруктами.

Мимо проносится отряд королевской стражи. Манго и оришанские персики разлетаются во все стороны. С каждой секундой стражников становится все больше. Они что-то ищут. Или кого-то.

Я глазею на хаос, творящийся вокруг, прежде чем понимаю: надо уходить. У меня в коробе пятьсот серебряных монет, и на кону не только моя жизнь.

Я энергично проталкиваюсь через толпу, пытаюсь ускользнуть, и уже вижу ряды тканей у выхода, когда кто-то хватается меня за запястье.

Во имя богов, что еще?

Вытаскиваю складной посох, ожидая, что это рука стражника или уличного воришки. Но, оглянувшись, не вижу перед собой ни солдата, ни мерзавца, решившего меня ограбить.

Девушка с янтарными глазами, одетая в мантию, тянет меня в проход между прилавками, вцепившись так, что я не могу освободиться.

– Пожалуйста, – просит она. – Ты должна вытащить меня отсюда.

Глава пятая. Зели

На миг я забываю, как дышать.

Меднокожая девушка дрожит так сильно, что ее страх передается мне.

Крики становятся громче, стражники бегут к нам, приближаясь с каждой секундой. Они не должны поймать меня вместе с ней.

Если это случится, мне конец.

– Отпусти, – требую я почти с тем же отчаянием, с которым она просила о помощи.

– Нет! Пожалуйста, – слезы застилают янтарные глаза, и ее хватка усиливается. – Прошу, помоги! Я совершила непростительный грех, если меня поймают...

Ее взгляд наполняется знакомым мне ужасом. Если девушку поймают, ее судьба решена. Вопрос лишь в том, *как* она умрет. На месте? В темнице от голода? Или стражники пустят ее по кругу? Изведут, чтобы она задохнулась от горя?

Вы должны защищать слабых, приходят на ум утренние слова Мамы Агбы. Я представляю ее строгий взгляд. *Это – путь посоха.*

– Не могу, – выдыхаю я, но, едва слова вылетают изо рта, непроизвольно готовлюсь к схватке. *Проклятье.*

Неважно, удастся ли ей помочь. Я не смогу жить, если не попробую.

– Идем, – я беру девушку за руку и перепрыгиваю через прилавок с тканями, более широкий, чем прочие. Прежде чем торговка успеет закричать, зажимаю ей рот и подношу кинжал Тзайна к шее.

– Т... ты что? – спрашивает девушка.

Я смотрю на мантию незнакомки. Как она вообще умудрилась убежать так далеко? Ее медная кожа и роскошная одежда – бархат с золотистой тафтой – буквально кричат о благородном происхождении.

– Надень этот коричневый плащ, – требую я. Пот струится по коже торговки. Рядом с воровкой-прорицательницей каждое ее движение может стать последним.

– Я не причиню тебе вреда, – обещаю я, – просто куплю эту одежду.

Выглядываю из-за прилавка, пока девушка облачается в неприметное одеяние. Сжимая мою руку, торговка сдавленно всхлипывает. На рынке столько стражи, что хватит на армию. Бесчисленные торговцы и крестьяне лишь множат хаос. Я хочу вырваться из этого адского котла, но не вижу выхода. У нас нет выбора. Нужно положиться на удачу.

Отступаю под навес, а девушка поднимает капюшон нового плаща, закрывая лицо. Схватив ее дорогой наряд, я протягиваю его торговке. Страх в ее глазах тускнеет, когда пальцы касаются мягкого бархата.

Я отвожу кинжал от шеи женщины и беру плащ для себя. Прячу под темным капюшоном волосы.

– Ты готова? – спрашиваю я.

Девушка робко кивает. Искра решимости вспыхивает в ее глазах, но я все еще чувствую охвативший ее ужас.

– Следуй за мной! – Мы выходим из-за навеса и растворяемся в хаосе. Хотя стражники прямо перед нами, коричневые плащи служат лучше щитов. Они ищут благородную. *Слава богам!*

Может, у нас есть шанс.

– Скорее, – шепчу я, когда мы идем по проходам между прилавками с тканью.

– Стой, – я хватаю ее за край плаща. – Не беги. Ты привлечешь внимание. Смешайся с толпой.

Девушка кивает и пытается что-то сказать, но не может. Все, на что она сейчас способна, это плестись в нескольких шагах позади, как детеныш леонэры.

Мы пробиваемся сквозь толпу, пока не добираемся до края рынка. Стражники дежурят у главного входа, но поблизости оказываются боковые воротца, у которых стоит лишь один солдат. В тот момент, когда он задает вопрос какой-то аристократке, я решаю воспользоваться шансом.

– Быстро! – Сжимаюсь у навеса и выскальзываю на каменные улочки торгового квартала. Вздыхаю от облегчения, глядя, как напряжение покидает мою хрупкую спутницу. Но обернувшись, мы видим двух рослых стражников, преградивших путь.

О боже. Я резко останавливаюсь. В коробе звенят сереб-

ряные монеты. Смотрю на девушку – ее медная кожа побледнела от ужаса.

– В чем дело? – спрашиваю я стражников так беззаботно, как только могу.

Один скрещивает руки, огромные, как стволы деревьев.

– Ищем беглянку. Никто не выйдет отсюда, пока не найдем.

– Простите, – я низко кланяюсь. – Мы подождем внутри.

Проклятье. Разворачиваюсь и иду к прилавку, окидывая взглядом творящийся на рынке хаос. Если все выходы перекрыты, нам нужен новый план. Надо найти другой способ...

Стоп.

Я уже почти вернулась на рынок, как вдруг поняла, что девушки нет рядом. Оборачиваясь, вижу, что она застыла перед стражниками, сжимая перед собой дрожащие руки.

Ради богов!

Открываю рот, чтобы шепотом позвать спутницу, но понимаю, что не знаю ее имени. Я рисковала всем ради незнакомки, а сейчас из-за нее нас убьют.

Пытаюсь отвлечь стражников, но один уже тянется к ее капюшону. Времени не остается, я хватаю металлический прут и делаю выпад.

– Пригнись!

Девушка падает на землю. Я замахваюсь посохом и бью стражника в голову. Отвратительный треск разносится в воздухе, когда он валится в грязь. Прежде чем второй успевает

обнажить меч, бью посохом ему в грудь. От быстрого удара в челюсть он падает без сознания в красную пыль.

– О небеса! – ругается девушка, как истинная аристократка. Складываю посох и понимаю, что она права: *о небеса*. Я напала на стражников. Теперь нас точно убьют.

Я представляю ярость Тзайна, когда мы срываемся с места и летим по торговому кварталу.

Ничего не испортить. Войти и выйти. Разве этот план подразумевал помощь преступнице?

Мы несемся мимо выкрашенных синим домов, а два отряда королевской стражи дышат нам в спину. Их голоса приближаются, а лязг сапог оглушает. Солдаты с обнаженными мечами всего в нескольких шагах от нас.

– Знаешь, где мы? – спрашиваю я.

– Кажется, – выдыхает она с распахнутыми от ужаса глазами, – мы недалеко от трущоб, но... Сюда!

Она вырывается вперед, всего на шаг, чтобы указать путь. Я следую за ней, мы бежим по мощеным улицам, расталкивая торговцев, возмущенных нашей гонкой. Кровь во мне кипит, а под кожей разгорается пламя. У нас не получится. Нам не уйти.

«*Тише*, – слышу я в голове голос Мамы Агбы и заставляю себя сделать глубокий вдох. – *Будь находчивой. Используй свое окружение*».

В отчаянье я изучаю улочки торгового квартала и, завернув за угол, вижу штабель деревянных бочек. *Сойдет*.

Я размахиваюсь и изо всех сил бью посохом по нижней. Первая бочка падает на землю, а за ней начинают катиться остальные.

Крики стражников разносятся в переулке, когда бочки сбивают их с ног. Эта уловка позволяет нам достичь трущоб и перевести дыхание.

– Что теперь? – глотая воздух, спрашивает незнакомка.

– Ты не знаешь, как отсюда выбраться?

Она качает головой, смахивая пот, струящийся по лицу:

– Я никогда не бывала в этой части города.

Издали этот квартал выглядит как необычный лабиринт, но вблизи представляет собой паучью сеть из жалких домишек. Перед нами – десятки узких переулков и грязных улиц, но выхода не видно.

– Сюда, – я указываю на улицу, уводящую прочь от квартала торговцев. – Если это путь к центру, по ней мы выберемся из города.

Вздымая облака пыли, мы бежим изо всех сил. Но впереди вновь появляются стражники, и нам ничего не остается, как свернуть.

– О небеса, – опять выдыхает девушка, пока мы несемся по переулку мимо улюлюкающих нам бездомных. На миг я удивляюсь, что моя спутница еще держится. Сомневаюсь, что при дворе ее обучали побегам от стражников.

Мы вновь заворачиваем за угол, преследователи настигают нас. Я пытаюсь ускориться, но девушка тянет меня назад.

– Что ты...

Она зажимает мне рот и толкает к стене лачуги. Только теперь я понимаю, что мы оказались в узком проеме между домами.

Пожалуйста, пусть это сработает. Второй раз за десять лет я молюсь, обращаясь к богам в надежде, что какой-то из них может услышать. *Прошу, спрячь нас.*

Мое сердце вот-вот выскочит из груди, оно бьется так сильно, что мне кажется, нас услышат. Но стражники пробегают мимо, как носоромы, преследующие жертву.

Я поднимаю глаза в небо: надо мной плывут облака, из-за которых выглядывает солнце. Словно боги воскресли, восстали с кладбища, где оказались после резни в ночь Рейда. Что-то наверху благословило меня.

Надеюсь, это благословение еще в силе.

Выбравшись из проема, мы мчимся другим путем и случайно врезаемся в пару любопытных предсказателей. У одного из рук выпадает бутылка рома. Острый запах пойла ударяет мне в нос так сильно, что ноздри начинают гореть, и в этот момент в памяти всплывает другой урок из хижины Мамы Агбы.

Я поднимаю бутылку с земли и осматриваюсь в поисках недостающего элемента. *Вот он.* Всего в паре метров от моей спутницы.

– Хватай факел!

– Что?

– Факел! – кричу я. – Он прямо перед тобой!

Ей требуется несколько секунд, чтобы сорвать его со стены, и мы бежим дальше. Когда несемся по окраине трущоб, я отрываю от плаща кусок ткани и засовываю его в бутылку.

– Зачем? – спрашивает она.

– Будем надеяться, ты не узнаешь.

Впереди виднеются деревянные ворота Лагоса – наш путь на волю.

Прегражденный стражниками.

Сердце замирает, когда мы останавливаемся перед бесконечной цепью вооруженных солдат. Они восседают на огромных разгневанных пантенэрах, каждая из которых то и дело обнажает острые клыки. Черный мех на их спинах сияет на солнце, как масляная пленка, переливаясь всеми цветами радуги. Даже припав к земле, мощные пантенэры угрожающе возвышаются над нами, готовые в любой момент напасть.

– Вы окружены! – Янтарные глаза капитана впиваются в меня. – Именем короля Сарана, приказываю вам сдаться!

В отличие от остальных солдат, капитан сидит на клыкастом белоснежном леопанэре размером почти с мою хижину. Восемь толстых серных рогов поднимаются от его спины, острых и блестящих. Тварь облизывает длинные клыки и фыркает, желая, чтобы наша кровь украсила ее пятнистую шкуру.

Лицо капитана, как и у моей спутницы, медного цвета, без морщин и шрамов. Когда она видит его, то сильнее натяги-

вает капюшон и пытается унять дрожь в ногах.

Хотя капитан молод, стражники беспрекословно ему подчиняются. Один за другим, они обнажают клинки, направив их в нашу сторону.

– Все кончено, – в ужасе выдыхает девушка. Слезы текут по ее щекам, когда она опускается на колени, роняет факел, признав поражение, и достает из плаща старый пергаментный свиток.

Я притворяюсь, что повторяю за ней, падаю на колени прямо в пыль и незаметно подношу ткань в бутылке к огню. В нос ударяет резкий запах дыма. Когда капитан приближается, я бросаю огненное оружие в пантенэр.

Давай, приказываю я бутылке, провожая ее глазами, опасаясь, что ничего не случится.

Но все вокруг вспыхивает.

Огонь разгорается, перекидываясь на людей и взбешенных пантенэр, звери воют от боли и скидывают наездников, пытаясь сбить пламя.

Девушка замирает от ужаса, но я хватаю ее за руку и тяну за собой. Мы в паре метров от ворот. От нашей свободы.

– Закрывать ворота! – кричит капитан, когда я проношусь мимо. Незнакомка врезается в него, но он мешкает, и добыча выскальзывает из его рук.

Железные рычаги стонут и приходят в движение – деревянные ворота начинают опускаться. Стражники у входа размахивают мечами. Последнее препятствие.

– Мы не успеем! – кричит девушка.

– У нас нет выбора!

Я бегу быстрее ветра. Пьяный стражник обнажает меч и замахивается, но его неловкое движение вызывает смех, а не страх. Радуюсь возможности отомстить, я бью его по голове и трачу лишнюю секунду на то, чтобы пнуть в пах, когда он падает.

Другой солдат пытается сделать выпад, но я легко блокирую его посохом. Вращая металлический стержень, выбиваю меч из рук. Его глаза удивленно расширяются, когда я наотмашь бью ему по лицу, отталкивая на жерди, и проношусь мимо.

У нас получилось! Мне хочется кричать от восторга, убегая под сень эбонитовых деревьев. Я поворачиваюсь, чтобы улыбнуться девушке, но понимаю, что ее нет рядом. Сердце уходит в пятки, когда я вижу, как она падает на землю у самых ворот, вздымая облака пыли.

– Нет! – кричу я. Ворота вот-вот закроются.

Мы почти выбрались, а теперь она умрет.

Беги, приказываю я себе. Прячься. У тебя есть Тзайн и папа. Ты сделала все, что могла.

Но ужас в ее глазах возвращает меня, хотя я знаю, что удача кончилась. Мое тело отчаянно протестует, и все же я бегу к воротам, прокатившись под решеткой за миг до того, как она опускается.

– Все кончено, – капитан выходит вперед, стирая с лица

кровь – след от моей бомбы. – Бросай оружие. Живо!

Взгляды всех стражников Лагоса устремлены на меня. Они окружают нас, не оставляя пути к отступлению. Помогаю незнакомке подняться и высоко поднимаю посох. *Все кончится здесь. Я не сдамся. Им придется убить меня.*

Стражники приближаются, и мое сердце стучит в груди, как барабан. Наслаждаюсь последним глотком воздуха, представляя любящий взгляд мамы, ее темную кожу.

Я иду к тебе, мама.

Сейчас она, наверное, наслаждается алафией¹⁰, счастьем загробной жизни. Я представляю себя рядом с ней. *Скоро мы будем вместе, так что...*

Громовой рев разносится в воздухе, заставляя стражников остановиться. Он становится все громче, почти оглушает. Я едва успеваю оттащить девушку в сторону прежде, чем пугающе огромная Найла перепрыгивает через ворота и приземляется рядом.

Стражники в ужасе отступают, когда моя леонэра опускается, поднимая столб пыли. Вязкая слюна стекает с массивных клыков. Все это кажется мне сном, пока я не слышу голос Тзайна.

– Чего вы ждете? – кричит он: – *Забирайтесь!*

В один миг я запрыгиваю на спину Найлы и тащу девушку за собой. Леонэра срывается с места, перепрыгивая с крыши на крышу прежде, чем лачуги начинают проседать под

¹⁰ Душевным покоем.

ее весом. Когда она взбирается достаточно высоко, то делает последний рывок, перелетая через ворота. Мы почти выбрались.

Меня накрывает волной ужаса. Каждая частичка моего тела находится в напряжении, которое сковывает льдом и не дает дышать. Время будто останавливается, я смотрю вниз и встречаюсь взглядом с молодым капитаном. Неведомая сила в его янтарных глазах не позволяет мне отвернуться. Его душа словно проникает в мою. Я тону в его колдовском взгляде, но в этот момент Найла перепрыгивает ворота, и связь обрывается.

С глухим ударом она приземляется на землю и, сорвавшись с места, несется сквозь эбонитовый лес.

– О боги, – выдыхаю я, ощущая сильную боль в теле. Не могу поверить, что мы выбрались.

Не могу поверить, что все еще жива.

Глава шестая. Инан

Провал.

Позор.

Разочарование.

Как сегодня отец назовет мое фиаско?

Я перебираю варианты, входя в ворота, и поднимаюсь по дворцовой лестнице из белого мрамора. *Провал* подойдет. Я возвращаюсь, не поймав беглянку. Однако отцу ни к чему тратить слова. Он может воспользоваться кулаками.

На этот раз я не виню его. Если я не могу уберечь Лагос от одной воровки, каким королем я стану?

Будь прокляты небеса. На миг я останавливаюсь, вцепившись в гладкие алебастровые перила. Это должен был быть день моего триумфа.

А затем мерзавка с серебряными глазами встала у меня на пути.

Лицо предсказательницы уже в который раз всплывает передо мной с тех пор, как она перелетела через ворота Лагоса. Воспоминание об обсидиановой коже и длинных белых волосах въелось в память настолько сильно, что я не могу от него отмахнуться.

– Капитан.

Я не обращаю внимания на приветствие стражников и вхожу в главный зал. Это звание теперь звучит как насмеш-

ка. Настоящий капитан выстрелил бы преступнице прямо в сердце.

– Где принц? – Громкий крик отражается от дворцовых стен.

Проклятье. Это последнее, чего я хочу.

Расталкивая стражников, мать вбегает в зал с накрененным набок геле.

– Где он? – кричит она. – Где Инан?

На лице матери проступает облегчение, когда она видит меня. Слезы подступают к ее глазам, и она склоняется ко мне, прижимая ладонь к ране на щеке.

– Ходили слухи о том, что вы вышли на след наемных убийц.

Я отстраняюсь от матери и качаю головой. С наемниками было бы проще, их легче выследить. Преступница была всего лишь беглянкой. И я не смог ее поймать.

Но матери не важны личности нападавших. Не интересен мой провал.

Она сжимает руки, борясь со слезами.

– Инан, мы должны... – Ее голос обрывается. Только теперь она понимает, что все на нас смотрят. Мать поправляет геле и делает шаг назад. Я уже представляю, как она выпускает когти.

– Муха напала на город, – выплевывает она в толпу. – Вам что, нечего делать? Идите на рынок, наведите порядок в трущобах. Удостоверьтесь, что это не повторится!

Солдаты, знать и слуги выбегают из зала, наступая друг другу на пятки. Когда они исчезают, мать берет меня за запястье и тянет к дверям тронного зала.

– Нет. Я не готов встретиться с его гневом. У меня нет новостей...

– Ты никогда не будешь готов.

Она распахивает тяжелые деревянные двери и тащит меня за собой по каменным плитам.

– Вон из зала, – рычит она стражникам и слугам с опахалами, и они тут же разбегаются, как мыши.

Каэя – единственная, кто достаточно храбр, чтобы не обращать внимания на гнев матери. Она невероятно прекрасна в черном нагруднике и новой форме.

Адмирал? Я смотрю на узорную печать, свидетельствующую о новом ранге. Сомнений быть не может. Ее повысили. *А как же Эбеле?*

Резкий запах мяты ударяет мне в нос, когда мы приближаемся к трону. Я смотрю в пол и вижу две лужицы свежей крови между плит.

О небеса. Отец уже разгневан.

– Вас это тоже касается, *адмирал*, – шипит мать, складывая руки на груди.

Лицо Каэи, как всегда, каменеет от ее ледяного тона. Она смотрит на отца, и тот неохотно кивает.

– Прошу прощения, – Каэя кланяется матери, хотя в ее голосе не слышно извинений. Мать провожает девушку хму-

рым взглядом до самых дверей.

– Взгляни, – мать выталкивает меня вперед. – Вот что мухи сделали с твоим сыном. Это случилось, когда ты послал его сражаться. Вот что бывает, когда он изображает капитана стражи!

– Мы их настигли! – Я вырываю руку из ладони матери. – Дважды. Не моя вина, что ряды солдат поредели после взрыва.

– Я не виню тебя, милый, – мать пытается потрепать меня по щеке, но я уклоняюсь от ее пахнущих розой пальцев. – Но все это слишком опасно для принца.

– Мама, я должен сражаться именно потому, что *принц*, – настаиваю я. – Моя обязанность – поддерживать мир в Орише. Я не смогу защитить народ, спрячась за стенами дворца.

Мать отмахивается, не обращая внимания на мои слова, и поворачивается к отцу.

– Он – следующий король Ориши, ради небес! Играй жизнями крестьян, но не жизнью сына!

Лицо отца остается невозмутимым, как будто матери для него не существует. Он смотрит в окно, пока она говорит, и крутит на пальце перстень с королевским рубином. Около него стоит магацитовый меч в золотой подставке. Отец отражается в зеркальном блеске клинка, на черной рукояти которого выгравирован снежный леопанэр. Меч кажется продолжением самого короля – всегда рядом, стоит лишь протянуть руку.

– Ты сказал «их», – наконец произносит отец. – Кто помогал преступнице? Она сбежала из дворца одна.

Я сглатываю, заставляю себя встретиться с отцом взглядом и выхожу вперед.

– Пока мы не знаем ее имени. Единственное, что нам известно, – она не из Лагоса.

Но ее глаза сияют, как серебристая луна, а над бровью есть едва заметный шрам.

Лицо предсказательницы вновь встает передо мной, я вижу его так же отчетливо, как портрет на стене тронного зала. Ее полные губы кривит усмешка, мышцы стройного тела напряжены.

Я вновь чувствую стыд, – он обжигает, как ром, льющийся на открытую рану. Голову будто охватывает пламя, и я вздрагиваю, прогоняя мерзкое ощущение.

– Королевский врач лечит привратников, – продолжаю я. – Когда они придут в себя, я установлю ее личность и место жительства. Я все еще могу выследить их...

– Ты не станешь этого делать, – говорит мать. – Сегодня ты мог погибнуть! А что потом? Оставить трон на Амари? – Она выходит вперед, ее кулаки сжимаются, а геле грозно возвышается над головой. – Прекрати это, Саран. Сей же час!

Я поднимаю голову. Она назвала отца по имени...

Ее голос отражается от красных стен тронного зала. В нем чувствуется ярость.

Мы оба смотрим на отца. Я не могу представить себе, что

он сделает. Мне начинает казаться, что мать на этот раз победила, но он роняет:

– Уйди.

Глаза матери расширяются. Самоуверенность сходит с лица, как стекают с него струйки пота.

– Мой король...

– Немедленно, – приказывает отец ровным голосом. – Мне нужно побеседовать с сыном наедине.

Мать сжимает мое запястье. Мы оба знаем, чем обычно заканчиваются такие беседы. Но она не может вмешаться.

Только если пожелает сама столкнуться с отцовским гневом.

Она кланяется, напряженная, словно натянутая тетива. Перед тем как уйти, ловит мой взгляд. Слезы бегут по ее припудренным щекам.

Удаляющиеся шаги матери звенят в тишине огромного зала. Дверь за ней закрывается, и я остаюсь наедине с отцом.

– Тебе известно, кто преступница?

Я медлю. Небольшая ложь смягчит побои, но отец чувствует ее, как гиенэр на охоте.

Она только все испортит.

– Нет, – отвечаю я. – Но на закате мы это узнаем. А потом я прикажу своим людям...

– Отзови их.

Я замираю. Он не дает мне ни единого шанса.

Отец думает, что я не способен на это. Он лишит меня

звания капитана.

– Отец, – медленно говорю я. – Пожалуйста, послушай. Я не представлял, на что она способна, но теперь готов. Позволь мне все исправить.

Отец медленно и лениво поднимается с трона. Хотя его лицо кажется спокойным, я вижу ярость, которая скрывается за его пустым взглядом.

Смотрю в пол, когда он подходит. Уже слышу его крик «*Долг превьшие всего!*».

Ориша важнее меня.

Сегодня я подвел его. Подвел отца и свое королевство, позволил предсказательнице поднять шумиху в Лагосе. Конечно, он накажет меня.

Я опускаю голову и задерживаю дыхание. Пытаюсь представить, насколько болезненным будет наказание. Если отец не просит снять доспехи, значит, будет бить по лицу.

Новые синяки будут у всех на виду.

Он поднимает руку, и я, приготовившись, закрываю глаза. Но вместо пощечины чувствую его ладонь у себя на плече.

– Знаю, что ты найдешь их, Инан. Лишь тебе это под силу.

От удивления я начинаю быстро моргать. Отец никогда не говорил со мной так.

– Это не просто преступница, – продолжает он сквозь сжатые зубы. – Это Амари.

Глава седьмая. Зели

На полпути к Илорин Тзайн решает, что опасность миновала, и натягивает поводья. Когда мы останавливаемся, некоторое время он стоит без движения. Похоже, я вызвала необычную ярость.

Под стрекот сверчков в кронах деревьев я спрыгиваю с седла и обнимаю огромную голову Найлы, массируя место между рогами и ушами.

– Спасибо, – шепчу я, уткнувшись в ее мех. – Устрою тебе настоящий пир, когда доберемся домой.

Найла мурчит и прижимается мордой к моему носу, словно я детеныш, которого надо защитить. Не могу сдержать улыбку, но когда Тзайн спрыгивает на землю и идет ко мне, понимаю, что даже Найла не спасет меня от его гнева.

– Тзайн...

– Да что с тобой не так?! – кричит он с такой яростью, что семейство синих пчелоедов срывается с дерева.

– У меня не было выбора, – огрызаюсь я. – Они хотели ее убить...

– А что, во имя богов, они сделают с тобой, если поймают? – Тзайн ударяет по стволу с такой силой, что дерево трещит. – Почему ты никогда не думаешь, Зел? Почему не делаешь того, что от тебя ждут?

– Я сделала! – Лезу в сумку и швыряю Тзайну бархатный

кошелек. Серебряные монеты рассыпаются по земле. – Получила за парусника пять сотен!

– Все деньги Ориши нам теперь не помогут, – Тзайн закрывает лицо ладонями, размазывая слезы по щекам. – Они убьют нас, Зел. Убьют *тебя!*

– Пожалуйста, – лепечет девушка, обращаясь к нам. Кажется, она может становиться невидимой. Я и забыла, что мы не одни.

– Это я виновата. Во всем... – Она бледнеет. Я едва различаю янтарный блеск ее глаз под капюшоном.

– Спасибо, но что с того? – кричу я, стараясь не замечать взгляд Тзайна, полный бешенства. Если бы не она, брат бы сейчас улыбался. Наша семья была бы в безопасности.

– Что ты натворила? – спрашиваю я. – Почему люди короля гнались за тобой?

– Не отвечай, – Тзайн качает головой и указывает в направлении Лагоса. – Просто возвращайся и сдайся им. Это единственный шанс, чтобы...

Она снимает плащ, и мы замолкаем. Брат не в силах отвести глаз от ее благородного лица, а я не могу перестать разглядывать золотой венец с резными листьями, вплетенный в косу. Он возвышается на ее голове, звеня цепочками. В центре сияет усыпанная бриллиантами печать с восхитительным снежным леопанэром – знак, носить который может только одна семья.

– О боги, – выдыхаю я.

Принцесса Амари.

Я похитила принцессу Ориши.

– Я могу все объяснить, – быстро говорит Амари. От королевской надменности в ее голосе мои зубы сжимаются. – Догадываюсь, о чем вы думаете, но моя жизнь была в опасности.

– Твоя жизнь? – шепчу я. – *Твоя?*

Гнев застилает мне глаза. Принцесса кричит, когда я прижимаю ее к дереву. Она задыхается, распахнув в ужасе глаза, пока я сжимаю руки на ее шее.

– Что ты делаешь? – кричит Тзайн.

– Показываю принцессе, что такое *настоящая* опасность.

Тзайн оттаскивает меня за плечи:

– Совсем с ума сошла?

– Она солгала мне, – кричу я в ответ. – Сказала, что ее хотят убить. Умоляла меня о помощи!

– Я не лгала! – хрипит Амари. Ее рука тянется к горлу. – Отец казнил членов королевской семьи за *сочувствие* предсказателям. Он не колеблясь убьет и меня!

Из складок платья она достает свиток, держа его так крепко, что руки трясутся.

– Королю нужно *это*, – я отпускаю ее, и Амари начинает кашлять. Она смотрит на пергамент с уважением, причины которого мне непонятны. – Этот свиток может изменить все. Даже вернуть магию.

Мы с недоверием взираем на Амари. *Принцесса лжет.*

Магия не может вернуться. Она умерла одиннадцать лет назад.

– Я тоже думала, что это невозможно, – Амари видит наши сомнения. – Но все случилось у меня на глазах. Предсказательница коснулась свитка и стала магом.

– Она держала в ладонях свет, – добавляет принцесса.

Свет?

Я подхожу к ней и смотрю на свиток. Чувствую недоверие Тзайна – оно накрывает меня жарким облаком, и все же чем больше Амари говорит, тем больше я хочу, чтобы это было правдой. Ее глаза полны ужаса и искреннего страха за жизнь. Зачем половине армии преследовать принцессу, если ее побег не угрожает королевству?

– Где теперь та предсказательница? – спрашиваю я.

– Умерла, – слезы подступают к глазам Амари. – Отец убил ее из-за того, что к ней вернулась магическая сила.

Амари обхватывает себя руками, зажмуриваясь, чтобы сдержать слезы. Кажется, она охвачена горем.

Тзайн смягчается, но меня волнуют вовсе не ее слезы. *Та девушка стала магом. Она держала в ладонях свет.*

– Дай его мне, – я тянусь к свитку, желая его рассмотреть, но когда пальцы касаются пергамента, тело накрывает странной волной. В изумлении отстраняюсь и роняю свиток, а затем опираюсь на ствол эбенового дерева, чтобы не упасть.

– В чем дело? – спрашивает Тзайн.

Я качаю головой – не знаю, что ответить. Странная виб-

рация в теле усиливается, и это ощущение кажется мне новым, но в то же время знакомым. Чувствую пульсацию в своих венах, она становится все сильнее, разгораясь, как огонь, стучит все громче, словно второе сердце, как будто это...

Аше.

При мысли об этом все внутри замирает. Во мне появляется то, о существовании чего я давно забыла. В детстве аше была единственным, о чем я мечтала. Я днями молилась о том, чтобы ощутить ее жар в своих жилах.

Сила богов всегда жила в нашей крови и отличала предсказателей от опытных магов. До Рейда она была священным даром, которого достаивался не каждый. Но получая аше, провидцы обретали магические силы.

Я смотрю на свои руки, пытаюсь увидеть тени мертвых богов, которые прилетали к маме во сне. Когда аше пробуждается, приходит магия. Неужели это случится сейчас?

Нет. Я подавляю в себе надежду. Если магия вернется, все изменится: вместе с ней возвратятся боги. После одиннадцати лет молчания они перевернут мою жизнь, а я и так едва смогла собрать себя по осколкам после Рейда.

И если затем они снова оставят меня, я умру.

– Ты это чувствуешь? – шепчет Амари, отступая назад. – Каэя говорила, что свиток превращает предсказателей в магов. Когда Бинта коснулась его, лучи света хлынули из ее рук!

Я поднимаю ладони, пытаюсь увидеть лиловое сияние ма-

гии жнецов. До Рейда, когда прорицатель превращался в мага, никто не мог сказать, кем именно он станет. Часто дети наследовали магию родителей, почти всегда по материнской линии. С косиданом-отцом я была уверена, что стану жницей, как мама, и мечтала о дне, когда почувствую внутри магию богов. Но все, что ощущаю сейчас – тревожный зуд в венах.

Я подбираю пергамент, опасаясь скрытых в нем сил. Различаю на старом свитке солнце, но другие знаки понять не могу, такими древними они кажутся. Старше самого времени.

– Не говори, что ты в это веришь, – Тзайн понижает голос. – Магия ушла, Зел. Она никогда не вернется.

Знаю, брат пытается меня защитить. Он говорил это раньше, вытирая мои слезы и сдерживая свои, а я всегда прислушивалась к его словам, но сейчас...

– А другие, дотронувшиеся до свитка? – Я поворачиваюсь к Амари. – Они теперь маги? Их дар вернулся?

– Да, – она энергично кивает, а затем мрачнеет. – Магия вернулась, но люди отца нашли их.

Я смотрю на свиток, и кровь стынет в жилах. Перед глазами снова всплывает труп матери, но на этот раз лицо, окровавленное и избитое, – не ее, а мое собственное.

Но тогда магия оставила ее, тихо напоминает мне внутренний голос. У нее не было шанса на победу.

И вот я снова шестилетняя девочка, забиваюсь в угол, на-

пуганная пожаром в нашем доме в Ибадане. Тзайн обнимает меня и заставляет смотреть на стену, как всегда пытаюсь защитить от боли.

Алые брызги разлетаются в воздухе – стражники снова и снова бьют папу. Мама кричит, чтобы они остановились. Два солдата затягивают цепь на ее шее так туго, что из-под магацитовых звеньев сочится кровь. Мама задыхается, когда они вытаскивают ее из хижины, как дикого зверя, истязают, бьют по лицу...

Нет, на сей раз магия останется и сможет победить.

Я закрываю глаза и представляю, что бы случилось.

– *Гбо арива ику!* – представляю, как мама шипит это заклинание сквозь зубы. – *Па ино да. Жаде нину эжэ ара!*

Стражники, душившие ее, застывают на месте, трясаясь от ужаса, когда заклятие обретает силу. Они кричат, когда мама отрывает их души от тел, убивая с бешенством истинной жрицы. Ярость подпитывает ее магию. Окруженная тенью, она похожа на Ойю – богиню жизни и смерти.

С гортанным криком мама срывает цепь с шеи и душит черными звеньями последнего оставшегося в живых стражника. Благодаря магии она спасает воинственный дух папы. И остается жива.

– Если то, что ты говоришь, – правда, – Тзайн раздраженно отрывает меня от грез, – тебе с нами нельзя. Из-за этого свитка убивают людей. Значит, если его найдут у Зел...

Его голос срывается, а мое сердце от боли разбивается

на столько осколков, что не понятно, как они помещаются в груди. Я могу подводить его до конца своих дней, но Тзайн все равно отдаст жизнь, лишь бы меня спасти.

Я должна беречь брата, ведь теперь защита требуется ему.

– Пора ехать. – Я сворачиваю пергамент и кладу его в сумку, так торопливо, что едва не забываю о кошельке с серебряными монетами, оставшемся на земле. – Правда это или нет, надо вернуться к папе и бежать, пока не поздно.

Тзайн справляется с раздражением и садится на спину Найле. Я пристраиваюсь сзади, когда принцесса по-детски робко спрашивает:

– А как же я?

– Ты?! – Ненависть к ее семье обжигает меня. Теперь, когда у нас есть свиток, мне хочется оставить Амари посреди леса, чтобы она умерла с голоду или стала добычей гиенэры.

– Если ты забираешь этот дурацкий свиток, возьми и ее, – вздыхает Тзайн. – Иначе она приведет к нам стражников.

Я резко поворачиваюсь к Амари, и она бледнеет. *Нет, не меня тебе нужно бояться.*

– Забирайся. – Я двигаюсь, освобождая ей место.

Несмотря на желание бросить принцессу здесь, я понимаю: мы с ней еще не закончили.

Глава восьмая. Инан

Не понимаю.

Тысячи мыслей мелькают у меня в голове. Я стараюсь при- держиваться фактов: магия вернулась в Оришу, у нас в ру- ках древний свиток, Амари – изменщица.

Нет. Я могу поверить в магию, но не в предательство сест- ры. Она почти не разговаривает на званых обедах и позволя- ет матери выбирать платья. Амари никогда не была за этими стенами, а теперь сбежала из Лагоса, похитив вещь, способ- ную погубить империю?

Размышляю над этим, вспоминая момент, когда столкнул- ся с преступницей: меня пронзила странная и внезапная об- жигающая боль. Потрясенный, я даже не заглянул беглянке под капюшон, но что если сделал бы это и увидел янтарные глаза сестры?

Нет, шепчу я себе, *это невысказано*. Хочу убедить отца посетить придворного врача – не могу не обращать внимание на его безумный взгляд, который раньше был равнодушным и расчетливым, как и положено королю. За восемнадцать лет я видел в его глазах многое, но только не страх. И не ужас.

– Еще до твоего рождения маги, опьяненные властью, веч- но плели заговоры, мечтая оборвать нашу династию, – объ- яняет отец. – Несмотря на их вероломство, твой дед пытал- ся быть с ними честным. Но благородство убило его.

И твоего старшего брата, думаю я. И первую жену, и первого сына. В Орише каждый аристократ знает, какую бойню, учиненную магами, пережил отец. Резню, ответом на которую стал Рейд.

По привычке я нащупываю в кармане потускневшую пешку – украденный у отца «подарок». Эта фигурка – единственное, что сохранилось из детского набора для игры в сенет. Когда я был маленьким, он играл в нее со мной, обучая стратегии.

Хотя прикосновение к холодному металлу обычно приводит меня в чувство, сегодня пешка кажется теплой. Она почти обжигает мне пальцы, напоминая о том, что отец прав.

– Становясь королем, я знал, что магия – корень всех зол. Она разрушала империи задолго до нашей и будет продолжать это делать, пока не исчезнет.

Я киваю, вспоминая речи отца еще до Рейда. Бритаун, Порльтогань, Империя Спаньи – целые цивилизации гибли из-за жадных до власти магов и тех, кто не решился их остановить.

– Обнаружив сплав, который братонии использовали, чтобы подавить магию, я подумал, что этого хватит, чтобы их остановить, – повествует отец. – Они создавали из магацита тюрьмы, оружие и цепи. Я сделал так же. Но это не смирило вероломных мух: чтобы спасти королевство, нужно было полностью уничтожить магию.

Что? Наклоняюсь вперед, не в силах поверить своим

ушам. Магия – вне нашей власти. Как мог отец победить такого врага?

– Волшебство – это дар богов, – продолжает он, – и то, что связывает их с человечеством. Я понял, что если боги перестали общаться с королями столетия назад, значит, связь между ними и магами тоже можно оборвать.

От слов отца у меня кружится голова. Если ему не нужен врач, то мне – точно скоро понадобится. Помню единственный раз, когда я спросил его о богах Ориши. Ответ был кратким: *«Боги – ничто без дураков, которые в них верят»*.

Я поверил его словам и нарисовал свою картину мира, основываясь на этой непоколебимой уверенности, что богов не существует. А сейчас он стоит передо мной, утверждая, что они есть и он с ними боролся.

О небеса. Смотрю на кровь, оставшуюся в трещинах между плит. Я всегда знал, что отец обладает могуществом. Но никогда не понимал, насколько далеко оно простирается.

– После коронации я решил найти способ оборвать духовную связь. Потребовались годы, но я нашел ее источник и приказал своим людям его уничтожить. До этого дня я был уверен, что стер магию с лица земли, но с помощью этого проклятого свитка она снова может вернуться!

Я наконец понимаю слова отца. Слушаю внимательно, пока самые невероятные факты не выстраиваются в голове в логическую цепочку, словно шашки в сенете: чтобы оборвать связь, нужно уничтожить магию.

Уничтожить людей, угрожавших нашему трону.

– Но если магия исчезла... – Желудок буквально скручивает, но я должен узнать ответ. – Для чего нужен был Рейд? Зачем понадобилось... убивать всех этих людей?

Отец проводит пальцем по зазубренному лезвию магаци-тового клинка и подходит к украшенным витражами окнам. В детстве я стоял здесь, глядя, как маги Лагоса гибли в пламени. Но даже годы спустя я все еще помню отвратительный запах горячей плоти, столь же отчетливый, как жара, которую ощущаю в воздухе.

– Чтобы магия исчезла навсегда, каждый маг должен был умереть. Если бы кто-то почувствовал силу колдовства, то не остановился бы ни перед чем, чтобы ее вернуть.

Каждый маг...

Вот почему он оставил в живых детей. Предсказатели не проявляют магических способностей до тринадцати лет. Беспомощные дети, которые никогда не владели магией, не представляют угрозы.

Ответ отца на удивление прост. Настолько, что я не сомневаюсь в правильности его действий. Но те события пеплом оседают на языке. Горькие. Мучительные. Я думаю, не тошнило ли отца в тот день.

– Магия – это паразитизм, – прерывает он мои мысли, – страшная, смертельная болезнь. Если она захлестнет наше королевство, как другие, никто из нас не выживет.

– Но как ее остановить?

– Свиток – это ключ, – говорит отец. – Но это все, что я знаю. Сила, заключенная в нем, способна вернуть магию, и, если мы его не уничтожим, он уничтожит нас.

– А Амари? – Мой голос переходит на шепот. – Мы должны... Мне придется...

Мысль об этом настолько ужасна, что я не могу больше сказать ни слова.

Долг превыше всего. Вот что скажет отец. То же, что кричал в тот роковой день.

От одной мысли, что придется направить меч на Амари, у меня пересыхает в горле. Я не стану королем, которого хотел бы видеть во мне отец. Не смогу убить младшую сестру.

– Она совершила измену, – медленно произносит он. – Но это не ее вина. Я позволил Амари сблизиться с той мухой, хотя должен был понимать, что это собьет ее с пути.

– Так Амари будет жить?

Отец кивает:

– Если поймаем ее прежде, чем все узнают о том, что она совершила. Теперь ты понял, почему не можешь использовать своих людей? Вы отправитесь в путь с адмиралом Каэей и вернете свиток.

Волна облегчения бьет в грудь, точно кулак отца. Мне не нужно убивать свою младшую сестру – только привезти ее домой.

Раздается резкий стук в дверь. Внутри заглядывает адмирал Каэя. Отец машет рукой, подзывая ее. За спиной Каэи

я вижу хмурое лицо матери. Новая тяжесть опускается мне на плечи. *О небеса.*

Она даже не знает, где Амари.

– Мы нашли аристократа. Он утверждает, что видел муху, которая была с преступницей, – докладывает Каэя. – Она продала ему редкую рыбу из Илорин.

– Вы просмотрели книгу регистрации? – спрашиваю я.

Каэя кивает:

– Сегодня отмечена только одна предсказательница из Илорин. Зели Адебола, семнадцати лет.

Зели...

Я добавляю еще одну черту к ее поразительному образу. Имя серебряной монеткой срывается с языка Каэи. Слишком мягкое для предсказательницы, взбаламутившей город.

– Позвольте мне отправиться в Илорин, – вырывается у меня. Вместе со словами в голове рождается план. Я видел карту Илорин – это плавучая деревня, разделенная на четыре сектора. Несколько сотен жителей, в основном бедные рыбаки. Мы справимся.

– Десять человек, – продолжаю я, – это все, что нужно мне и адмиралу Каэе. Я найду свиток и верну Амари, просто дай мне шанс.

Отец задумчиво крутит на пальце кольцо. Уже слышу, как с его губ срывается отказ.

– Если эти люди о чем-то догадаются...

– Придется убить их, – говорю я. Ложь дается мне легко.

Если я смогу исправить ошибки, никто больше не умрет.

Но отец не знает о моих планах и едва ли мне верит. Ему нужно быстрое и четкое выполнение приказа.

– Хорошо, – соглашается он. – Выдвигайтесь скорее.

Слава небесам. Я поправляю шлем и кланяюсь так низко, как только могу. Как капитан, я не могу его подвести.

– Инан!

Его голос пугает меня. В нем слышится что-то зловещее. Что-то, предвещающее смерть.

– Когда вернешь пропажу, сожги деревню дотла.

Глава девятая. Зели

Илорин выглядит слишком мирной.

По крайней мере, после событий этого дня. Кокосовые лодки пришвартованы к берегу, полотна над дверными проемами ахэре опущены. Деревня готовится к спокойному сну вместе с заходящим солнцем.

Амари глазеет по сторонам, пока Найла плывет к хижине Мамы Агбы. Принцесса осматривает каждый дюйм плавучей деревни, словно голодный работник, глядящий на полный стол лакомств.

– Никогда не видела ничего подобного, – шепчет она. – Очаровательно.

Я вдыхаю свежий запах моря и закрываю глаза, ощущая, как туман касается кожи. Чувствуя на языке соленый привкус, думаю, как бы прошел вечер, не окажись здесь Амари. Свежая буханка сладкого хлеба, большой кусок острого мяса. Впервые за много дней мы уснули бы на полный желудок – после праздничного ужина в мою честь.

От невинного вида принцессы раздражение вспыхивает с новой силой. Рожденная в королевской семье, она, должно быть, ни разу не голодала за свою беззаботную жизнь.

– Отдай мне венец, – требую я, когда Найла подплывает к торговому кварталу.

Удивление Амари исчезает, она напрягается:

– Но Бинта... – девушка медлит, собирая всю волю в кулак. – Она отдала его мне. Это единственная память о ней.

– Мне плевать, даже если это подарок богов. Нельзя, чтобы люди узнали, кто ты.

– Не волнуйся, – мягко добавляет Тзайн, обращаясь к принцессе. – Она уберет его в сумку, а не утопит в море.

Я с удивлением гляжу, как брат пытается ее утешить. И у него получается – Амари некоторое время возится с застежкой и наконец бросает усыпанный драгоценностями убор в короб. Камни и серебряные монеты так сияют, что все это кажется мне сном. Еще утром у нас не было ни гроша, а теперь от богатства болит спина.

Я спрыгиваю на деревянный мост и, приоткрыв полотно над входом, заглядываю в дом Мамы Агбы. Папа, свернувшись, как дикий кот, крепко спит в углу перед очагом. Его кожа уже менее бледная, а лицо не такое худое и изможденное. Это дело ее рук. Забота Мамы Агбы может воскрешать мертвых.

Когда я вхожу, она выглядывает из-за манекена, одетого в прекрасный пурпурный халат. Аккуратные швы указывают, что он предназначен для аристократа – вещь, которая принесет ей деньги для следующего налога.

– Как дела? – шепчет она, откусывая нитку, а затем поправляет свой желто-зеленый геле и связывает концы халата.

Я открываю рот, чтобы ответить, но появляется Тзайн, а за ним робко следует Амари. Она осматривает ахэре с любо-

пытством, присущим лишь знатным, и проводит пальцами по тростниковой стене.

Тзайн уважительно кивает Маме Агбе, берет мою сумку и, помедлив, вручает свиток Амари. Он с легкостью поднимает спящего папу, так что тот не просыпается.

– Я соберу вещи, – говорит брат. – Решите, что делать со свитком. Если надо уходить... – Его голос обрывается, и моя грудь сжимается от давящего чувства вины. Больше никаких *если*.

– Поторопись.

Тзайн уходит, едва сдерживая эмоции. Я смотрю вслед его мощной фигуре, от всей души желая, чтобы не я была причиной его боли.

– Уходить? – спрашивает Мама Агба. – Зачем? Кто она?

Она прищуривается и окидывает Амари взглядом. Несмотря на бедный плащ, превосходная осанка и высоко поднятый подбородок выдают королевское происхождение девушки.

– О... – Амари поворачивается ко мне, сжимая свиток в руках: – Я... Я...

– Это Амари, – наконец решаюсь я. – Принцесса Ориши. Мама Агба громко смеется.

– Большая честь видеть вас в моем доме, ваше высочество, – с глубоким поклоном поддразнивает она.

Мы остаемся серьезными. Ее глаза расширяются. Она встает с кресла и распахивает плащ на Амари, открыв тем-

но-синее платье. Даже в вечернем свете на его декольте блестят драгоценные камни.

– О боги... – Мама Агба поворачивается ко мне, прижав руки к груди. – Зели, во имя богов, что ты натворила?

Я прошу ее сесть и рассказываю о том, что произошло. Гордость на ее лице сменяется гневом, когда она слышит про наш побег, но рассказ о свитке и его возможностях заставляет ее замереть.

– Это правда? – спрашиваю я. – Хотя бы одно слово?

Мама долго молчит, глядя на свиток в руках Амари. Ее темные глаза остаются невозмутимыми, скрывая ответы, которых я жду.

– Дай его мне.

Пергамент ложится в ладонь Мамы Агбы, и она начинает задыхаться. Ее тело дрожит так сильно, что она падает с кресла.

– Мама Агба! – Я подбегаю к ней и хватаю за руки, удерживая, пока судороги не прекратятся. Постепенно они ослабевают. Она лежит на полу, неподвижная, как один из ее манекенов.

– Мама, ты в порядке?

Слезы застилают ей глаза, бегут по морщинкам, испещрившим темную кожу.

– Это было так давно, – шепчет она. – Не думала, что снова почувствую огонь магии.

Мой рот открывается от удивления. Я отступаю, не веря

своим ушам. Не может быть. Я не думала, что хоть кто-то из взрослых магов пережил Рейд...

– Вы – маг? – спрашивает Амари. – Но ваши волосы...

Мама Агба снимает геле и проводит рукой по бритой голове:

– Одиннадцать лет назад у меня было видение, что я пришла к губящей и попросила ее избавить меня от белых волос. Она использовала магию болезни, чтобы уничтожить их.

– Ты видящая? – вырывается у меня.

– Раньше была, – кивает Мама Агба. – Но лишилась волос в день Рейда, за несколько часов до нападения.

Поразительно. Когда я была ребенком, тех немногих видящих, живших в Ибадане, уважали и чтили. Их власть над временем не раз спасала другие кланы. Я улыбаюсь: следовало догадаться. Мама Агба всегда обладала знанием, мудростью человека, прожившего не одну жизнь.

– Еще до Рейда, – продолжает Мама Агба, – я чувствовала, как магия уходит из нашего мира. Пыталась увидеть будущее, но, когда это было нужно сильнее всего, не смогла.

Она вздрагивает, словно снова переживая ужас той ночи. Я могу только догадываться, какие кошмарные воспоминания всплывают в ее голове.

Мама бредет к забранным сеткой окнам и опускает занавески. Смотрит на свои старые руки, сморщенные от долгих лет шитья.

– *Орунмила*, – шепчет она, призывая бога времени. – *Ба*

ми соро. Ба ми соро.

– Что она делает? – Амари пятится, будто слова Мама Агбы могут ранить ее. Но я слишком потрясена, услышав слова йоруба – впервые за десять лет, и не могу ответить.

Со времен Рейда я не слышала ничего, кроме резких пауз и гортанных звуков, свойственных оришанскому языку, на котором мы должны были говорить. Последний раз при мне произносили заклятие очень давно, и долгое время язык моего народа жил только в моей памяти.

– Орунмила, – перевожу я, пока Мама Агба взывает к нему. – Ответь мне. Ответь...

– Она зовет своего бога, – объясняю я Амари. – Пытается колдовать.

Я легко нахожу слова для объяснения, хотя сама все еще не могу поверить в то, что вижу. Мама Агба повторяет заклинание с абсолютной верой в то, что делает, терпеливая и готовая ко всему, как и положено слуге бога времени.

Она просит Орунмилу помочь нам, и тоска сжимает мне сердце. Я никогда не верила в Ойю так сильно, как она – в свое божество.

– Это безопасно? – Принцесса вжимается в стену ахэре, когда вены на горле Мама Агбы набухают.

– Это часть магии, – киваю я. – Такова цена аше.

Чтобы колдовать, мы должны говорить на языке богов, управляя силой, текущей в нашей крови. Это легко для опытного видящего, но после стольких лет бездействия за-

клятие, должно быть, высасывает из Мамы Агбы всю энергию. Аше тренируется, как любая мышца нашего тела. Чем чаще ее используешь, тем легче управляешь и тем сильнее становится магия.

– *Орунмила, ба ми соро. Орунмила, ба ми соро...*

Ее дыхание становится более прерывистым с каждым словом. От напряжения морщины становятся глубже. Управление силой требует много энергии, и я знаю: если она перенапряжется, может умереть.

– *Орунмила.* – Мама Агба говорит все громче. Серебряный свет наполняет ее руки. – *Орунмила, ба ми соро! Ба ми соро...*

Воздух в ладонях Мамы Агбы взрывается, и мы с Амари падаем на пол. Принцесса кричит, а у меня ком застывает в горле. Ночное небо, синее и пурпурное, мерцает в ладонях Мамы Агбы. Мое сердце замирает от его красоты. *Она вернулась...*

После стольких лет магия снова здесь.

Меня охватывает волна эмоций, словно где-то внутри прорвало плотину. Боги вернулись. Они живы и наконец рядом с нами после стольких лет.

Мерцающие звезды в ладонях Мамы Агбы кружатся и пляшут. Постепенно у нас перед глазами появляется образ, застывая, словно глина. Я различаю три фигурки на горном склоне: они неустанно пробираются сквозь густой подлесок.

– О небо! – восклицает Амари, осторожно выходя впе-

ред. – Это... я?

Я фыркаю при мысли о таком тщеславии, но замолкаю, увидев свою укороченную дашики. Она права – мы вместе с Тзайном идем через джунгли. Моя рука цепляется за камень, я ползу вверх, а брат ведет Найлу по хребту. Мы поднимаемся выше и выше, карабкаясь, пока наконец не выбираемся.

Видение рассеивается в мгновение ока.

Мы смотрим в пустые ладони Мамы Агбы – на руки, только что изменившие мой мир.

Ее пальцы дрожат от напряжения, а глаза полны слез.

– Такое чувство, – произносит она, всхлипывая, – что я снова могу дышать.

Я киваю, хотя не могу описать охватившие меня эмоции. После Рейда я никогда не думала, что снова увижу магию.

Когда руки Мамы Агбы перестают дрожать, она жадно хватает свиток и изучает его. Видя, как ее глаза бегут по пергаменту, я понимаю, что она читает.

– Это ритуал, – говорит она. – Он очень древний и поможет призвать богов.

– Вы сможете его провести? – спрашивает Амари, ее янтарные глаза светятся от страха и восхищения. Она смотрит на Маму Агбу так, словно та сделана из бриллиантов, но вздрагивает, стоит ей приблизиться.

– Это не моя судьба, дитя. – Мама вкладывает свиток мне в руку. – Вам тоже было видение.

– В-вы шутите, – запинается Амари. Сейчас я полностью

с ней согласна.

– К чему спорить? – говорит Мама. – Вы втроем были в пути. Странствовали, чтобы вернуть магию.

– А разве она еще не вернулась? – спрашивает Амари. – То, что вы сделали...

– Лишь малая часть того, что могла прежде. Свиток пробуждает магию, но нужно нечто большее, чтобы полностью ее вернуть.

– Надо выбрать кого-то получше, – качаю я головой. – Кого-то более опытного. Ты не можешь быть единственным магом, пережившим Рейд. Давай используем твою силу и найдем еще кого-нибудь.

– Девочки...

– Мы не можем, – обрываю я. – Папа не сможет без нас...

– Я позабочусь о твоём отце.

– Но стражники...

– Не забывай, кто учил тебя драться.

– Мы даже не знаем, что там написано, – вклинивается

Амари, – не можем прочитать!

Взгляд Мамаы Агбы затуманивается, словно она обдумывает какую-то идею.

Она быстро перебирает свои вещи и протягивает нам выцветшую карту.

– Сюда! – Она указывает на точку в джунглях Фунмилайо, в нескольких днях к востоку от побережья Илорин. – В моём видении вы шли сюда. Должно быть, там находится Шан-

домбль.

– Шандомбль? – повторяет Амари.

– Легендарный храм, – объясняет Мама Агба. – По слухам, это дом священных сентаро – защитников магии, членов духовного ордена. До Рейда только новые лидеры десяти магических кланов могли посещать их, но раз в видении вы направлялись туда, значит ваше время пришло, нужно отправиться в путь. Возможно, в Шандомбле вы найдете ответы.

Чем больше говорит Мама Агба, тем сильнее холодеют мои руки и ноги. *Как ты не поймешь?* – хочется кричать мне.

У меня не хватит сил.

Я смотрю на Амари и на мгновение забываю, что она – принцесса. В свете свечей она кажется маленькой и неуверенной девчонкой.

Мама Агба кладет морщинистую ладонь мне на щеку, другой рукой берет Амари за запястье.

– Я знаю, что вы напуганы, девочки, но еще знаю, что вы справитесь. Из всех дней ты выбрала для торговли в Лагосе именно сегодняшний. Из всех людей на рынке ты, – она поворачивается к Амари, – обратилась к ней. Боги благословляют нас после всех этих лет. Они не станут играть судьбами магов. Вы должны поверить в себя.

Я глубоко вздыхаю и смотрю на циновки, устилающие пол. Боги, которые были так далеко, внезапно оказались ближе, чем я когда-либо мечтала. Сегодня мне просто хоте-

лось пройти инициацию. Просто продать рыбу. Но случилось нечто большее.

– *Помогите!*

Крик разбивает безмолвие ночи. Мы вскакиваем в мгновение ока. Я хватаю посох. Мама бежит к окну. Когда она распахивает занавески, мои ноги подкашиваются.

Огонь пожирает торговый квартал, каждая ахэре охвачена пламенем. Клубы черного дыма поднимаются к небу. Деревенские кричат, умоляя о помощи. Наш мир исчезает в огне.

Взрыв-порох. Ужасная смесь, которой могут пользоваться только королевские стражники.

Ты, презрительно шепчет внутренний голос. *Ты привела их сюда.* Теперь стражники не просто убьют всех, кого я любила. Они сожгут нашу деревню дотла.

Я вылетаю из хижины, не обращая внимания на призыв Мамы Агбы. Нужно найти родных и убедиться, что они в порядке.

Я бегу по шатким мосткам и вижу, как мой дом пожирает пламя. От запаха горячей плоти в горле першит. Пожар лишь усиливается. Вся Илорин уже охвачена огнем.

– *На помощь!*

Узнаю этот голос. Малышка Биси. Полные отчаяния крики доносятся из тьмы, но я проношусь мимо ее ахэре. Сможет ли она выбраться из огня?

Я бегу домой, а люди, пытаясь спастись от пламени, прыгают в океан. Их крики пронзают ночь. Кашляя, они цепля-

ются за обожженные балки, пытаюсь остаться на плаву.

Странное ощущение вновь посещает меня. Оно струится по венам, мешает дышать. Следом под кожей разливается теплое покалывание. Не знаю, что это, но чувствую смерти людей и присутствие духов. На ум приходит только одно слово: *магия*. Я собираю кусочки вместе. *Моя магия*.

Магия, которую я не понимаю. Та, что навлекла на нас этот ужас.

Чувствую жжение, словно пылающие угли обжигают меня, и вспоминаю о приливщиках, призывавших воду, чтобы потушить пожар. О поджигателях, приказывающих огню оставаться на месте. Будь здесь больше магов, их сила остановила бы этот кошмар. Если бы мы знали заклятия, у огня не было бы ни единого шанса.

Громкий треск раздается в воздухе. Деревянный настил у меня под ногами скрипит, когда я приближаюсь к рыбацкому району. Я бегу, пока держат мостки, а потом прыгаю.

Дым раздирает горло, когда я приземляюсь на шаткие доски моста у дома. Из-за огня я ничего не вижу, но заставляю себя идти вперед.

– Папа! – зову я, горло дерет от кашля. – Тзайн!

В районе нет ни одной ахэре, которая бы не горела, и все же я бегу к нашей, надеясь, что ее эта судьба миновала.

Мостки качаются под ногами. Я задыхаюсь и падаю на землю у самого дома, опаленная жаром пламени.

– Папа! – в ужасе зову я, пытаюсь отыскать в огне малей-

ший признак жизни. – Тзайн! Найла!

Кричу, пока не срываю голос, но никто не отвечает. Не знаю, остались они внутри или сумели выбраться. Не знаю, живы ли они.

Медленно поднимаюсь на ноги и, взмахнув посохом, распахиваю дверь ахэре. Хочу вбежать внутрь, но мне на плечо ложится рука, и кто-то дергает меня назад с такой силой, что я падаю на спину.

Слезы застилают глаза. Я не вижу лица противника, но вскоре вспышки пламени озаряют медную кожу. *Амари.*

– Туда нельзя! – кричит она, задыхаясь от дыма. – Дом вот-вот рухнет!

Толкаю принцессу на землю, полная решимости чуть позже утопить ее в море. Когда она отпускает меня, я ползу к своей хижине.

– Нет!

Тростниковые стены, где мы встречали полнолуние, складываются с резким треском, проваливаются сквозь настил и уходят под воду.

Я жду, что в волнах появится голова Тзайна, жду визга Найлы, но вижу лишь крошечную тьму.

В мгновение ока мою семью стерли с лица земли.

– Зели...

Амари вновь берет меня за плечо. От ее прикосновения кровь закипает. Я хватаю ее за руку и тащу за собой, полная отчаяния и ярости.

Я убью тебя, проносится в голове. Если мы умрем, ты – тоже.

Пусть твой отец почувствует эту боль. Пусть король узнает горечь невосполнимой утраты.

– Нет! – кричит Амари, когда я тяну ее в пламя, но ее едва слышно из-за шума крови в ушах. Глядя на принцессу, вижу лицо короля, и ярость становится еще сильнее.

– Пожалуйста...

– Зели, стой!

Отпускаю Амари и оборачиваюсь на крик, доносящийся с моря. Найла плывет среди волн, на ее спине Тзайн. За ними следуют папа и Мама Агба – в кокосовой лодке, привязанной к седлу Найлы. От потрясения я не сразу понимаю, что они живы.

– Тзайн...

Подпорки, удерживающие рыбацкий район над водой, шатаются. Прежде чем мы успеваем спрыгнуть, они падают в море, утягивая нас за собой. Ледяная вода погребает наши тела, смягчая ожоги, о которых я позабыла.

Я иду ко дну среди бревен и обломков. Тьма уносит боль, остужает ярость.

Можно остаться здесь, тихо говорит внутренний голос. Необязательно продолжать этот бой...

С секунду раздумываю, страстно желая скрыться от того, что творится наверху. Но, когда легкие начинают гореть, принимаю работать ногами, выталкивая себя на поверх-

ность разбитого мира.

Неважно, как сильно я жажду покоя. У богов другие планы.

Глава десятая. Зели

Мы молча плывем по узким проливам в сторону от северного побережья, не в силах говорить после пережитого ужаса. Хотя шум волн оглушает, крики Биси в моей голове звучат еще громче.

Четыре смерти. Четыре человека не выбрались из пламени.

Я принесла огонь в Илорин. Их кровь на моих руках.

Я обнимаю себя за плечи, чтобы не заплакать, пока Мама Агба бинтует наши раны лоскутьями, оторванными от своего подола. Хотя мы выбрались из пожара, но кожа покрыта царапинами и волдырями, и я радуюсь боли, как другу. Раны – ничто в сравнении с чувством вины, обжигающим сердце.

Желудок сводит, когда я вспоминаю обгоревшие трупы. Обугленная кожа слезает с их конечностей, запах паленого мяса все еще разносится в воздухе.

Им теперь хорошо, пытаюсь я утешить себя. Если их души достигли покоя алафии, смерть – это почти подарок. Но что если муки были слишком сильными?

Закрываю глаза и пытаюсь прогнать эту мысль. Если смерть была слишком страшной, их душам не видать загробной жизни. Они останутся в апади, вечном аду, снова и снова переживая свою боль.

Когда мы высаживаемся на каменистый берег, Тзайн по-

могает Амари, а я – папе. Я обещала не подвести его. А теперь вся наша деревня сгорела в огне...

Я смотрю на зазубренные камни, не в силах взглянуть ему в глаза. Папа должен был продать меня на работы. Сделай он это, у них с Тзайном началась бы спокойная жизнь. Молчание отца лишь усиливает мою боль, но когда он встречается со мной взглядом, я вижу в его глазах слезы.

– Ты не можешь все бросить, Зели. Не теперь. – Он берет меня за руку. – Эти чудовища во второй раз лишили нас дома. Не дай этому повториться.

– Папа? – Я не могу поверить, что он это говорит. Со времен Рейда он не проклинал власть даже шепотом. Я думала, он больше не будет прежним.

– Пока магия не вернется, они так и будут относиться к нам, как к грязи. Нужно преподать им урок. Если они сожгли наши дома, мы сожжем их.

Тзайн стоит, разинув рот от изумления, мы переглядываемся. Того, прежнего отца не было с нами одиннадцать лет. Мы не знали, что он все еще жив.

– Папа...

– Берите Найлу, – приказывает он. – Стражники близко. У нас мало времени.

Он указывает на северный берег, где пять человек в королевских доспехах сгоняют выживших в кучу. Вспышка пламени освещает печать на шлеме. *Капитан...* Тот, что преследовал нас с Амари, сжег мой дом.

– Едем с нами, – требует Тзайн. – Мы не можем бросить тебя.

– Нет. Я только задержу вас.

– Но папа...

– Нет, – обрывает он брата и кладет руку ему на плечо. – Мама Агба сказала мне о видении. Вы трое должны сделать это. Отправляйтесь в Шандомбль и выясните, как вернуть магию.

Ком встает в горле. Я хватаю папу за руку:

– Они уже отыскали нас. Значит скоро придут за тобой.

– К тому времени, как они отправятся в погоню, мы будем уже далеко, – уверяет меня Мама Агба. – Кто лучше видящей сможет спрятаться от стражников?

Тзайн переводит взгляд с папы на меня. Стоит, стиснув зубы, пытаюсь оставаться спокойным. Не знаю, сможет ли он бросить папу здесь. Тзайн места себе не найдет, не позаботившись о других.

– Как мы вас найдем? – шепчу я.

– Верните магию, – говорит Мама Агба. – С видениями я всегда буду знать, где вы.

– Вам надо идти, – настаивает папа, когда воздух оглашают новые крики. Один из солдат хватается старуху за волосы и подносит меч к ее горлу.

– Папа, нет!

Я пытаюсь оттолкнуть его, но он прижимает меня к себе и обнимает. Меня трясет, но руки папы сильнее, чем прежде.

– Твоя мама... – Он умолкает. Я всхлипываю. – Любила тебя отчаянно. Она бы очень гордилась тобой теперь.

Сжимаю руку папы так сильно, что мои ногти впиваются в его кожу. Он обнимает меня в ответ и подходит к Тзайну. Хотя брат возвышается над ним, как башня, папа крепко обнимает его. Они стоят долго и, кажется, никогда не разомкнут рук.

– Я горжусь тобой, сын. Неважно, что нас ждет, я всегда буду гордиться тобой.

Тзайн смахивает слезы. Он не привык показывать свои чувства, но я ощущаю его боль.

– Я люблю вас, – шепчет нам папа.

– Мы тоже любим тебя, – хриплю я.

Отец жестом приказывает Тзайну садиться на Найлу. Амари забирается следом – слезы струятся по ее щекам. Глядя на нее, я испытываю гнев. Почему она плачет? Ведь это не королевская, а *моя* семья разбивается из-за нее.

Мама Агба целует меня в лоб и крепко обнимает.

– Будь осторожной и сильной.

Шмыгнув, киваю, хотя вовсе не чувствую в себе силы. Мне страшно. Я слаба как никогда.

Что, если я подведу их?

– Береги сестру, – напоминает папа Тзайну, когда я забираюсь в седло. – Найла, будь хорошей девочкой. Защищай их.

Найла лижет папу в лицо, трется мордой об его щеку –

знак того, что она исполнит обещанное. Сердце сжимается, когда она идет прочь, унося нас от дома. Но когда я оборачиваюсь, лицо папы озаряет улыбка.

Надеюсь, мы выживем и увидим ее вновь.

Глава одиннадцатая. Инан

– Досчитай до десяти, – шепчу я себе в надежде, что, когда закончу, этот ужас останется в прошлом.

Кровь невинных не будет пятнать мои руки.

– Раз... Два... – Я сжимаю отцовскую пешку в трясущихся пальцах так крепко, что чувствую боль. Веду отсчет, но ничего не меняется.

Вместе с Илорин все мои планы погибли в огне.

Деревню охватывает яростное пламя, пожирая сотни домов, и мое горло сжимается от ужаса. Солдаты тащат обгоревшие до неузнаваемости трупы по песку. Крики выживших и раненых звенят у меня в ушах. Во рту привкус пепла. Так много потерь. Смертей.

Не таким был мой план.

С одной стороны от меня должна была стоять Амари, с другой – закованная в цепи воровка. Каэе стоило лишь найти свиток. Сжечь нужно было лишь одну хижину.

Если бы я вернул артефакт, отец бы все понял. Поблагодарил бы за осмотрительность и похвалил бы за то, что я помиловал жителей Илорин. Торговля рыбой не пострадала бы. Единственная угроза для королевства была бы устранена.

Но я подвел его. Снова. После того, как вымолил второй шанс. Свиток пропал. Жизнь сестры под угрозой. Целая деревня стерта с лица земли, и все это напрасно.

Народ Ориши все еще в опасности...

– Папа!

Я хватаюсь за меч, когда маленький мальчик падает на землю рядом со мной. Его крики звенят в ночи. Вижу покрытый песком труп у его ног.

– Папа! – Малыш обнимает тело, силясь разбудить того, кто уже мертв. Маленькие коричневые ладошки покрываются кровью отца.

– Абени! – Женщина ковыляет к ребенку по влажному песку и задыхается при виде приближающихся стражников. – Абени, прошу, молчи. Папа хочет, чтобы ты замолчал!

Отворачиваюсь и зажмуриваюсь, борясь с тошнотой. *Долг превьше всего*, слышу я голос отца. *Безопасность Ориши важнее твоих чувств*. Но ведь эти люди тоже оришане. Именно их я поклялся защищать.

– Бардак! – Адмирал Каэя подходит ко мне. Ее костяшки все в крови: она избил солдата, который выстрелил слишком рано и начал пожар. Я едва справляюсь с желанием добавить ему еще, видя, как он корчится на влажном песке.

– Вставай и свяжи им руки! – рычит на него Каэя, а затем понижает голос. – Мы не знаем, живы преступницы или нет, и даже не знаем, вернулись ли они.

– Надо собрать выживших в одном месте. – Я раздраженно вздыхаю. – Надеюсь, кто-нибудь нам расска...

Мой голос обрывается – я чувствую, как нарастает злое пожелание покаяния под кожей. Как тогда, на рынке, жар обжи-

гает мне голову. Он пульсирует, и я вижу плывущее ко мне бирюзовое облачко на фоне черного дыма.

– Ты это видишь? – спрашиваю я Каэю, указывая ей на облако, и отступаю, когда оно приближается. От него веет морем, и этот аромат перебивает запах дыма.

– Вижу что? – спрашивает Каэя, но я не успеваю ответить. Бирюзовое облачко течет у меня сквозь пальцы. Образ предсказательницы вспыхивает перед глазами...

Крики вокруг стихают, становятся приглушенными и неразборчивыми. Холодные волны накрывают меня, лунный свет и огонь меркнут. Я вижу девушку, мысли о которой кружат в моей голове. Она тонет среди трупов и обломков, погружаясь в морскую тьму, и не противится, когда течение тащит ее вниз. Она отказывается от борьбы, идет навстречу смерти.

Мое видение бледнеет, и я вновь оказываюсь на песке, среди криков горящих заживо людей. Кожа пылает так же, как когда я видел предсказательницу в последний раз.

Внезапно картина проясняется. Этот зуд, видение... Я должен был понять раньше.

Магия.

Желудок сводит. Я впиваюсь ногтями в свои дрожащие ладони. Нужно исцелиться от этой заразы, изгнать предательское ощущение прочь...

Инан, приди в себя.

Сжимаю отцовскую пешку так сильно, что костяшки хру-

стят. Я клялся ему, что готов, но как, во имя небес, можно подготовиться к *такому*?

– Досчитай до десяти, – вновь шепчу я, расставляя все детали по местам, словно пешки для сенета. Когда шепчу «пять», ужасающая правда обрушивается на меня: свиток у предсказательницы.

Укол, который я ощутил, когда она задела меня. Энергия, пробежавшая по моим венам. Когда наши взгляды встретились...

О небеса. Она меня заразила.

Тошнота подступает к горлу. Прежде чем я успеваю сдержаться, жареная рыба-меч – сегодняшний завтрак – рвется наружу. Я сгибаюсь, и рвота расплзается по песку передо мной.

– Инан, – Каэя морщит нос, в ее голосе больше отвращения, чем тревоги. Наверное, она считает меня слабаком. Лучше пусть думает так, чем узнает правду.

Сжимаю кулаки, почти ощущая, как магия блуждает в моей крови. Если маги могут передать нам свои силы, то они победят прежде, чем мы сумеем до них добраться.

– Она была здесь. – Я вытираю губы ладонью. – Предсказательница со свитком. Нужно найти ее прежде, чем она навредит кому-то еще.

– Что? – Каэя поднимает тонкую бровь. – Откуда ты знаешь?

Открываю рот, чтобы объяснить, но тошнотворный зуд

снова расплзается под кожей, заставляя меня отвернуться. Покалывание растет, становится сильнее, когда я смотрю в направлении южного леса. Хотя воздух наполнен вонью горячей плоти и черным дымом, мне вновь мерещится слабый запах моря. *Это она.* Точно. Прячется среди деревьев...

– Инан, – вклинивается Каэя. – О чем ты? Как ты узнал, что она была здесь?

Магия, – хочется ответить мне.

Мои пальцы крепче обхватывают потускневшую пешку. Прикосновение к ней обжигает. Это слово еще хуже, чем слово «*муха*». Если даже я едва могу примириться с этим, то как отреагирует Каэя?

– Поселянин, – лгу я, – сказал мне, что они отправились на юг.

– И где он теперь?

Стараясь не смотреть, указываю на труп мужчины, но краем глаза замечаю рядом с ним обожженное тело ребенка. Новое бирюзовое облачко летит ко мне – от него пахнет розмарином и пеплом.

Прежде чем успеваю отступить, оно проникает в ладонь, обдавая тошнотворным жаром. Мир бледнеет перед стеной огня. Крики оглушают меня. «*Помогите!*»

– Инан!

Я возвращаюсь к реальности. Холодные волны достают до носков моих сапог.

Пляж. Сжимаю пешку. *Значит, ты все еще здесь.*

– Что случилось? – спрашивает Каэя. – Ты стонал...

Я разворачиваюсь, пытаюсь отыскать глазами девушку. Это она во всем виновата. Использовала свою проклятую магию, чтобы наполнить мою голову криками.

– Инан!

– Надо допросить их. – Я не обращаю внимания на беспокойство во взгляде Каэи. – Если один из деревенских знал, куда они направлялись, другие тоже могут что-то рассказать.

Каэя медлит. Стоит, поджав губы. Наверное, ей любопытно, но долг адмирала – превыше всего. Всегда.

Мы подходим к выжившим. Я смотрю на волны, чтобы не слышать их криков, но те становятся громче с нашим приближением.

Семь... считаю я про себя. Восемь... Девять... Я – сын величайшего государя Ориши. Их будущий король.

– Молчать! – Мой голос гремит в ночи с невиданной силой. Даже Каэя смотрит на меня с удивлением. Воцаряется тишина.

– Мы ищем Зели Адеболу. Она украла у короны нечто ценное. Воровка отправилась на юг, и мы хотим знать, зачем.

Я изучаю темные лица, пытаюсь найти хоть малейшую зацепку. Они прячут глаза. Их страх висит в воздухе, будто влага. Впитывается мне в кожу.

О боги, пожалуйста...

Если он убьет меня...

Во имя богов, что она украла?...

Сердце стучит, как сумасшедшее, когда я слышу их голоса – они возникают, как вспышки, смешиваясь с моими мыслями, и ранят меня. Бирюзовые облака плывут в воздухе, жалят, словно пчелы. Кажется, я теряю сознание...

– Отвечайте ему!

Слава небесам, крик Каэи возвращает меня к реальности.

Прихожу в себя и стискиваю рукоять меча. Гладкий металл окончательно приводит меня в чувство. Постепенно их страх уменьшается. Но раздражающий зуд остается.

– Я сказала, *отвечайте* ему! – рычит Каэя. – Не заставляйте *меня* спрашивать.

Поселяне молчат, уставившись в землю.

Каэя вырывается вперед. Когда она хватается старуху за седые волосы и тащит ее по песку, воздух наполняется криками.

– Адмирал, – хриплю я, когда Каэя обнажает меч и подносит лезвие к морщинистому горлу. Капелька крови падает на землю.

– Решили молчать? – шипит Каэя. – Будете молчать – умрете!

– Мы ничего не знаем, – вскрикивает девушка. Все на пляже замирают. Ее руки трясутся, и она зарывает дрожащие пальцы в песок.

– Мы можем рассказать об ее отце и брате. О ее владении посохом. Но ни одна живая душа в Илорин не скажет, куда она ушла и почему.

Я грозно гляжу на Каэю, и она отбрасывает старуху, как тряпичную куклу. Нетвердыми шагами я подхожу по сырому песку к девушке.

Ее дрожь усиливается при моем приближении, но я не знаю, трясет ее от страха или от того, что холодные волны лижут ее колени. На ней только промокшая ночная рубашка, старая и рваная.

– Как тебя зовут?

Возвышаясь над ней, я вижу, что ее кожа цвета дуба гораздо светлее каштановой и медной, которой обладают остальные жители деревни. Возможно, в ней есть капелька благородной крови. Отец, которому нравилось играть с грязью.

Она не отвечает. Я наклоняюсь к ней и тихо говорю:

– Чем быстрее ты заговоришь, тем быстрее мы уйдем.

– Йеми, – шипит она. Ее пальцы вгрызаются в песок, пока она говорит. – Я расскажу вам все, что хотите, а взамен вы оставите нас в покое.

Я киваю. Это только небольшая уступка. Что бы ни говорили о долге, не хочу видеть новые трупы. Не вынесу новых криков.

Склоняюсь к ней и перерезаю веревку на запястьях. Она вздрагивает от моего прикосновения.

– Расскажи нам о ней, и, обещаю, твои люди будут в безопасности.

– В безопасности?

Йеми смотрит мне в глаза с ненавистью, острой, как меч.

Хотя она не открывает рта, ее слова звучат у меня в голове.
Мы уже давно не в безопасности.

Глава двенадцатая. Зели

Глаза болят от долгих безмолвных слез. Мы останавливаем Найлу, чтобы сделать привал. Ей и Тзайну требуются секунды, чтобы растянуться на мху и сбежать из нашего разбитого мира в объятия сна.

Амари изучает место ночлега, дрожа от холода. Внезапно она расстилает плащ и ложится на него – видимо, царская особа боится коснуться земли головой. Я наблюдаю за ней, вспоминая, как едва не утащила принцессу в огонь.

Воспоминание об этом кажется таким далеким, как будто кто-то другой, а не я, испытывал эту ненависть. Теперь у меня внутри только холодный гнев, который не причиняет беспокойства. Ставлю пятьсот серебряных монет, еще день она не протянет.

Я заворачиваюсь в плащ и прижимаюсь к Найле, наслаждаясь тем, как ее мягкий мех касается моей кожи. Сквозь темную листву видно небо, полное звезд. Оно напоминает мне о колдовстве Мамы Агбы.

– Она вернулась, – шепчу я себе. Несмотря на безумие дня, поверить в это труднее всего. Мы можем вновь обрести нашу магию. Снова сможем процветать.

– Ойя...

Шепчу имя богини жизни и смерти, моей богини-сестры, наделившей меня магией. Будучи ребенком, я так часто взы-

вала к ней, что казалось, она спит в моей кровати, а сейчас ищу слова для молитвы и не знаю, что сказать.

– *Ба ми соро*, – пробую я, но мне не хватает уверенности Мамы Агбы. Она верила так сильно, что смогла вызвать видение. Я же просто хочу знать, что там, наверху, точно кто-то есть.

– *Ран ми лово*, – шепчу я. *Помоги мне*. Эти слова кажутся мне более честными, идущими из глубины души. – Мама Агба говорит, ты выбрала меня. Папа согласен, но мне... страшно. Это слишком важно, а я не хочу все испортить.

Высказанные вслух опасения обретают плоть, их тяжесть клубится в воздухе. Я не смогла даже позаботиться о папе. Как я могу спасти магов?

Но, озвучив свои страхи, я немного успокаиваюсь, думая, что Ойя может слышать меня, быть рядом. Богам ведь известно: без нее я с этим не справлюсь.

– Просто помоги мне, – повторяю снова. – *Ран ми лово*. Пожалуйста. И береги папу. Неважно, что случится, просто пусть они с Мамой Агбой не пострадают.

Не зная, что еще сказать, я склоняю голову. Сквозь сон чувствую, как моя молитва поднимается в небо. Смакую капельку удовлетворения, которое эта мысль мне приносит, поднимая над болью, страхом, тоской, и держусь за нее, пока она совсем не убаюкивает меня.

Я просыпаюсь и понимаю: что-то не так. Чувствую себя странно, не как обычно.

Приподнимаюсь, ожидая увидеть спящую Найлу, но ее нигде нет. Лес исчез – ни мха, ни деревьев. Я нахожусь среди огромных тростников, в которых гудит ветер.

– Что это? – шепчу я, ослепленная реальностью происходящего и ярким светом. Смотрю на свои руки и в изумлении поднимаю голову. На моей коже больше нет ни шрамов, ни ожогов. Она чистая, словно в день моего рождения.

Я – в бескрайнем тростниковом поле. Стебли и листья возвышаются надо мной, даже когда я поднимаюсь на ноги.

Вдалеке растения сливаются в смутную полосу, растворяясь в белизне горизонта. Ощущение, как будто я блуждаю по незаконченной картине, потерявшаяся среди нарисованных тростников.

Это не бодрствование, но и не сон. Я плыву в магическом мире на грани яви и грез. Грязь хлюпает у меня под ногами, когда я бреду среди причудливых растений. Минуты тянутся, как часы, но мне нравится быть в этой дымке. Воздух здесь прохладный и свежий, словно в горах Ибадана, где прошло мое детство. *Может, это святилище*, думаю я. Одых, дарованный богами.

Я уже готова принять эту мысль, но вдруг ощущаю чу-

жое присутствие. Сердце замирает. Оборачиваюсь, и дыхание спирает, когда я понимаю, кто передо мной.

Узнаю этот огонь в янтарных глазах и взгляд, который никогда не забуду. Передо мной стоит он – безоружный и уже не окруженный волнами пламени. Я замечаю мускулы, проступающие под его кожей, вижу лицо цвета светлой меди и странную белую прядь в волосах. Сейчас, когда он неподвижен, сходство с Амари кажется мне настолько очевидным, что его невозможно не заметить. *Он не просто капитан...*

Принц.

Он смотрит на меня так, словно я труп, восставший из могилы. А потом сжимает кулаки:

– Немедленно выпусти меня из этой тюрьмы!

– Выпустить тебя? – Мои брови от удивления ползут вверх. – Но я ничего не делала!

– Думаешь, я тебе поверю? После того, как твое проклятое лицо целый день стоит у меня перед глазами?

Он тянется за мечом, но не находит его.

Я замечаю, что мы оба в простых белых одеждах и без оружия.

– Мое лицо? – медленно спрашиваю я.

– Не притворяйся, что ничего не понимаешь, – рычит принц. – Я почувствовал, что ты сделала со мной в Лагосе. И эти... *голоса*. Пусть они оставят меня в покое. Прикажи им или ты заплатишь!

Его ярость обдает меня смертоносным жаром, но слова

заставляют меня забыть о прозвучавшей угрозе. Он думает, это я привела его сюда, и наша встреча – моих рук дело.

Невозможно. Хотя я была еще слишком маленькой, чтобы мама учила меня магии, я видела, как ее творят. Колдовство приходило с порывами ледяного ветра, острыми стрелами и пляской теней наяву, но никогда во сне. Когда наши взгляды встретились, странная энергия обожгла меня, но ведь я коснулась свитка только после того, как выбралась из Лагоса. Если нас привела сюда магия, то не моя. Это...

– Ты.

Я замираю от изумления. *Как такое возможно?* Королевская семья утратила магию поколения назад. Маг не сидел на троне уже много веков.

– Что?

Мои глаза останавливаются на белой пряди, спускающейся от виска к затылку.

– Это *ты* привел меня сюда.

Лицо принца каменеет. Гнев в его глазах сменяется ужасом. Секунду мы ощущаем только холодное дуновение ветра и тихий шум танцующих тростников.

– Лгунья! – шипит он. – Ты просто пытаешься забраться мне в голову.

– Нет, маленький принц. Это ты забрался в мою.

Я вспоминаю старые мамины истории – легенды о десяти кланах и присущей им магической силе. Будучи ребенком, я хотела знать только о жнецах, таких как мама, но она настаи-

вала, чтобы я изучала и другие кланы. С особой осторожностью меня просили относиться к проводникам – магам, имеющим власть над разумом, духом и снами. *Берегись их, малышка Зел. Они используют магию, чтобы влезть тебе в голову.*

Кровь стынет в жилах, когда я понимаю, что имела в виду мама, но, когда я смотрю на капитана, понимаю – он в таком смятении, что его трудно бояться. Принц смотрит на свои трясущиеся руки так, словно скорее убьет себя, чем использует магию, чтобы навредить кому-либо.

Но как такое возможно? Предсказателей при рождении отмечают боги, но принц не родился предсказателем. К тому же у косидан нет способностей к колдовству. Почему же он внезапно стал магом?

Я осматриваюсь, чтобы оценить его способности. Магические тростники реалистично шелестят, хотя здесь не может быть никакого ветра – для этого нужна немыслимая сила. Даже опытному проводнику потребуется заклинание, чтобы создать такое. Как, во имя богов, он смог управлять аше, если даже не сознавал, что является магом?

Мой взгляд возвращается к неровной белой пряди в его шевелюре, единственному настоящему признаку мага. Наши волосы всегда белые, как снег на вершинах Ибадана. Их цвет настолько ослепителен, что даже самая черная краска может скрыть его лишь на несколько часов.

Хотя я никогда не видела, чтобы маги или предсказатели

имели всего одну светлую прядь, не могу отрицать того, что она есть, такая же белая, как мои волосы.

Но что это значит? Какую игру затеяли боги? Что, если принц – не единственный и к королевской семье возвращается магия?.. Мной овладевает страх.

Нет. Я не позволю ему свести меня с ума. Верни аристократы себе магию, мы бы уже знали об этом.

Делаю глубокий вдох, успокаивая себя и пытаюсь привести мысли в порядок. Амари украла свиток в Лагосе. Затем врезалась в брата, когда мы пытались бежать. Не знаю, почему, но это произошло именно тогда. Силы Инана пробудились так же, как и мои, – когда он коснулся свитка.

Король тоже его касался, говорю я себе. И Амари, и адмирал... Но они не обрели никаких способностей. Магия живет только в принце.

– Твой отец знает об этом?

Глаза Инана испуганно расширяются, открывая мне правду.

– Конечно, нет, – ухмыляюсь я. – Если бы он узнал, ты был бы уже мертв.

Он бледнеет, и это вызывает у меня злобный смешок. Сколько предсказателей погибло от его рук, зарезанных, избитых до смерти, втопанных в грязь? Сколько жизней он забрал, чтобы уничтожить магию, которая теперь струится по его жилам?

– Предлагаю тебе сделку. – Я приближаюсь к принцу. –

Оставь меня в покое, и я сохраню твой секрет. Никто не узнает, что ты – грязная, маленькая *му*...

Принц подлетает ко мне.

В один миг его руки смыкаются у меня на горле, а затем...

* * *

Я открываю глаза. Меня приветствует знакомый треск сверчков и шелест листьев. Тзайн громко храпит, а Найла сопит у меня под боком.

Вскакиваю и хватаюсь за посох, готовая сразиться с врагом, всматриваюсь в окружающий нас лес, но его нет рядом. Мне требуется несколько секунд, чтобы понять: принц не появится.

Вдыхаю влажный воздух, пытаюсь унять дрожь. Наконец снова ложусь и закрываю глаза, но сон не желает возвращаться. Не думаю, что вообще когда-нибудь усну. Теперь мне известна тайна принца.

И он не остановится, пока я не умру.

Глава тринадцатая. Зели

Следующим утром я чувствую себя более уставшей, чем до сна. Кажется, что меня обокрали, словно вор унес мои грезы. Раньше они давали возможность сбежать от жестокости мира, окружавшей меня при пробуждении. Но теперь, когда все они заканчиваются руками принца на моем горле, ночные кошмары мучат не меньше, чем реальность.

– Проклятье, – бормочу я. Это всего лишь сны. Чего мне бояться? Даже если его сила могущественна, он слишком напуган, чтобы ей пользоваться.

Тзайн пыхтит на маленькой полянке – делает упражнение «скручивание» настолько серьезно, как будто это его обычная утренняя тренировка. Вот только никаких тренировок в этом году больше не будет: из-за меня он никогда вновь не сыграет в агбон.

Чувство вины смешивается с усталостью и заставляет прилечь. Касаясь земли, я краем глаза ловлю движение: Амари шевелится под большим коричневым плащом, пробуждаясь от царственных грез. Это прелестное зрелище наполняет мой рот горечью, а перед глазами снова появляется образ Инана.

Я удивлена, что королевская дочь не перерезала нам глотки во сне. Пытаюсь найти в ее волосах белую прядь, такую же, как у брата, и облегченно вздыхаю, не обнаружив ее. Од-

ним богам известно, насколько хуже все могло бы стать, если бы она могла заточить меня в своей голове. Рассматривая Амари, вдруг узнаю плащ, которым она укрылась. Я вскакиваю и спешу к Тзайну.

– Это еще зачем?

Он не обращает на меня внимания и продолжает тренировку. Мешки у него под глазами говорят о том, что он устал, так что лучше оставить его в покое, но я слишком сердита, чтобы отступить.

– Твой плащ, – говорю я злым шепотом. – Зачем ты отдал его ей?

Тзайн делает еще пару скручиваний и ворчит:

– Она дрожала.

– И?

– Что и? – огрызается он. – Мы не знаем, как долго будем в дороге. Нам не нужно, чтобы она заболела.

– Ты в курсе, что принцесса к этому привыкла, да? К такой заботе?

– Зел, ей было холодно, а мне не нужен был плащ. Только и всего.

Я поворачиваюсь к Амари и пытаюсь успокоиться. Но глядя ей в глаза, я вижу ее брата. И тут же чувствую его руки на своей шее.

– Я хочу ей верить...

– Нет, не хочешь.

– Даже если бы хотела, не могу. Ее отец организовал Рейд,

а брат сжег нашу деревню. С чего ты взял, что она другая?

– Зел... – Тзайн резко замолкает, когда к нам подходит Амари – воплощение скромности и изящества. Не знаю, слышала ли она нас, но даже если уловила обрывки фраз, мне уже все равно.

– Думаю, это твое. – Она протягивает ему плащ. – Спасибо.

– Не за что, – Тзайн складывает его и убирает в свой короб. – В джунглях будет теплее, но дай знать, если он снова понадобится.

Амари улыбается в первый раз, как мы встретились, и я свирепею, видя ответную улыбку Тзайна. Должно быть что-то еще, помимо милого личика, чтобы он забыл, что она – дочь монстра.

– Это все, что ты хотела? – спрашиваю я.

– Ну... Вообще-то... – Ее голос делается тише. – Я думала... Что у нас на...

У нее громко бурчит в желудке. Принцесса краснеет и хватается за живот, пытаясь удержать очередной звук.

– Простите, – лепечет она. – Я вчера съела только одну булку.

– Целую булку? – При мысли об этом у меня текут слюнки. Сменилось много лун с тех пор, как у меня был хороший кусок. Хотя вряд ли черствый кирпич с нашего рынка сравнится со свежей булкой с кухни короля.

Мне хочется напомнить Амари о том, что ей очень повез-

ло с трапезой, но живот сводит от голода. Вчера я так и не поела. Если не позавтракаю в ближайшее время, мой желудок тоже начнет стонать.

Порывшись в карманах черных штанов, Тзайн достает старую карту Мама Агбы. Мы следим за его пальцем, пока он спускается по побережью от Илорин и останавливается у точки под названием Сокото.

– Поселение в часе от нас, – говорит он. – Лучшее место для остановки. Затем мы отправимся на восток, в Шандомбль. В деревне будут торговцы и еда, но придется кое-что продать.

– А где деньги за рыбу?

Тзайн вытряхивает содержимое моего короба. У меня вырывается стон, когда несколько серебряных монет и геле принцессы падают на землю.

– Почти все исчезли в пожаре, – вздыхает Тзайн.

– И что же мы можем продать? – спрашивает Амари.

Тзайн смотрит на ее платье. Несмотря на пятна грязи и дыры от пожара, мягкий шелк, из которого оно сшито, и элегантный крой буквально кричат о благородном происхождении.

Амари следит за взглядом Тзайна и хмурит брови:

– Должно быть, ты шутишь.

– Я выручу за него хорошие деньги, – вклиниваюсь я. – Мы отправляемся в джунгли, во имя богов, ты никогда не пройдешь по ним в этом!

Амари изучает мои шаровары и укороченную дашики, отчаянно вцепившись пальцами в свой подол. Неужели она думает, будто у нее есть выбор? Ведь я могу сорвать с нее платье в любой момент.

– Но что мне надеть?

– Плащ. – Я указываю на простой коричневый материал. – Мы продадим платье, купим немного еды и новую одежду.

Амари отступает, не смея поднять глаза.

– Ты хотела сбежать от королевской стражи и унести свиток, но не можешь снять дурацкое платье?

– Я рисковала не ради свитка. – Голос Амари дрожит. На секунду в ее глазах блещут слезы. – Отец убил мою лучшую подругу...

– Подругу или рабыню?

– Зел, – шипит Тзайн.

– Что? – Я поворачиваюсь к нему. – Твой лучший друг складывает твою одежду и готовит тебе обед, еще и задаром?

Уши Амари горят.

– Бинте платили.

– Уверена, кучу денег.

– Я пытаюсь помочь вам. – Амари мнет юбку в руках. – И пожертвовала всем, чтобы помочь вашему народу...

– Нашему народу? – вскипаю я.

– Мы можем спасти предсказателей...

– Хочешь спасти предсказателей, но отказываешься продать проклятое платье?

– Ладно, – Амари всплескивает руками, – ради небес, я это сделаю, и я никогда не отказывалась...

– О, мы благодарны тебе, прекрасная принцесса, *спасительница магов!*

– Прекрати. – Тзайн толкает меня локтем, когда Амари прячется за Найлу, чтобы переодеться. Ее изящные пальцы расстегивают пуговицы на спине. Остановившись, она смотрит через плечо. Я закатываю глаза, и мы с Тзайном отворачиваемся.

Принцесса.

– Держи себя в руках, – бормочет Тзайн, когда мы вглядываемся в красноватую опушку буйного леса Сокото. Семейка синезадых павианем прыгает по ветвям, стряхивая блестящие листья на землю.

– Если она не может терпеть рядом свободную предсказательницу, пусть возвращается в свой маленький дворец.

– Она не сделала ничего плохого.

– И *хорошего* тоже. – Я пихаю Тзайна в ответ. Почему он так защищает Амари, как будто встал на ее сторону. Словно это *она* – жертва.

– Я последний, кто будет защищать аристократов, но, Зел, взгляни на нее. Она только что потеряла лучшую подругу, и вместо того, чтобы скорбеть, рискует жизнью, пытаюсь помочь магам и предсказателям.

– Мне должно быть грустно оттого, что король убил ее любимую служанку-мага? Где была ее ярость все эти годы?

Где была она сама после Рейда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.